

18+

СОСТАВИТЕЛЬ Х. М. ЦЕЧОЕВ

Нарт-орстхойский эпос вайнахов

Хасан Цечоев

Нарт-орстхойский эпос вайнахов

«Издательские решения»

Цечоев Х.

Нарт-орстхойский эпос вайнахов / Х. Цечоев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512004-5

Нартские сказания о героях-богатырях считаются общим достоянием культуры многих народов Северного Кавказа. Нарты — эпический псевдоним орстхойского народа, создавшего эпос и запечатлевшего в нем свое восприятие мира, общественные отношения, повседневный быт и духовные ценности на ранних этапах своей истории, известной науке как эпоха военной демократии. В образах воинственных и благородных героев эпоса воплощены главные качества самого народа: его дух, его стремления и его чаяния.

ISBN 978-5-00-512004-5

© Цечоев Х.
© Издательские решения

Содержание

Нарт-орстхойский эпос вайнахов	6
От составителя	7
Джуртубаев М. Ч. О вайнахском эпосе	9
Точка опоры	9
Концепция	11
Противоречия	13
Нарты и орстхойцы	15
Нарты и местные герои	17
Происхождение орстхойцев	19
Народ о нарт-орстхойцах	22
Противостояние	25
Главный герой	28
Нарты и благодать	31
Война с нартами	35
Карабулаки	38
Аланизмы	41
Библиография	48
I. ЖИЛИ-БЫЛИ НАРТЫ...	49
Как нарт-орстхойцы сгинули со света	49
Как погибли нарты эрхстуа	51
О вамполож I	55
Гарбаш (великан-чудовище)	56
Орштхойцы (карабулаки)	57
Семь сыновей вьюги I	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Нарт-орстхойский эпос вайнахов

Хасан Цечоев *Составитель*

ISBN 978-5-0051-2004-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нарт-орстхойский эпос вайнахов

Составитель Х. М. Цечоев

От составителя

Перед читателем самое полное на сегодняшний день издание нарт-орстхойского эпоса вайнахов. К сожалению, многие читатели недостаточно хорошо знакомы с этим выдающимся памятником народной словесности; мы надеемся, что данный сборник даст широкой публике достаточно ясное представление о нем.

В нарт-орстхойском эпосе вайнахов многое (мотивы, сюжеты, герои и т.д.) совпадает с нартскими сказаниями других народов Северного Кавказа: абазинским, абхазским, адыгским, карачаево-балкарским, осетинским. Но многое в нем является и оригинальным, неизвестным в других национальных версиях Нартиады. Одной из отличительных черт вайнахских сказаний является, например, то, что в них нарты – это эпический народ, который всегда отождествляется с орстхойцами (карабулаками) – одной из трех этнических общностей вайнахов; им же приписываются многие деяния эпических героев.

В нартоведении принято считать, что нарт-орстхойские сказания, в отличие от других эпосов Северного Кавказа, не делятся на циклы. По этой причине они издавались и издаются или в различных сборниках, наряду с другими фольклорными произведениями вайнахов, или без всякой системы. Но это ошибочный взгляд.

По нашему мнению, героический эпос вайнахов состоит из девяти разделов. К первому из них относятся сказания, где нарт-орстхойцы представлены народом богатырей, сражающихся со злыми великанами и совершающих набеги на своих соседей, в том числе чеченцев и ингушей. Также в этот раздел включены и произведения, повествующие о подвигах нартов, с сюжетной линией, схожей со сказаниями других народов, у которых бытует нартский эпос. Далее следует самый большой цикл, в котором представлен главный герой нарт-орстхойского эпоса – Соска Солса (Сеска Солса). В третий цикл вошло несколько сказаний о другом нартском герое – Хамчи Патаразе. Три этих раздела, по всей видимости, являются наследием эпоса самих орстхойцев, это их взгляд на самих себя.

Если брать в целом отношение к нарт-орстхойцам в эпосе чеченцев и ингушей, то оно резко отрицательное, за исключением того факта, например, что в более поздние времена имело место частичное обожествление Соска Солса (Сеска Солса) вайнахами: в честь этого персонажа в горной Ингушетии возводились святилища, ему же посвящались и ритуальные молитвенники (Далгат, с. 118; с.133).

Нарт-орстхойцы, как отмечали исследователи, в сказаниях вайнахов преимущественно представлено как воинственное и алчное племя, постоянно жаждущее борьбы в поисках славы и добычи. Но всячески воспеваются и идеализируются «местные герои», мирные богатыри, как защитники родной земли, которые насмерть сражаются с нарт-орстхойцами. Сказания об их подвигах и победах над нартами составляют четвертый цикл, являющийся одним из самых больших.

Далее следуют повествования о междоусобицах нарт-орстхойцев, семи братьях-орстхойцах и о проныре Боткий Ширтке (не являясь нарт-орстхойцем, он выступает то в роли советника орстхойцев, то насмехается над нартами). Небольшой цикл составляют сказания, в которых нарт-орстхойцы выставлены простаками, которых легко одурачить. Это отражение того периода, когда горцы перестали бояться орстхойцев, сильно ослабевших в бесконечных войнах и междоусобицах, и поэтому уже не представляли для вайнахов серьезной угрозы. В последнем, самом большом разделе, насыщенном богатой исторической информацией, включены тексты, рассказывающие о гибели нартов, после нашествия которых исчезла благодать.

Все сказания, помещенные в данном издании, снабжены комментариями составителей фольклорных сборников, из которых мы и перенесли их. Кроме того, мы сочли нужным в качестве предисловия к книге поместить одну из глав (посвященную вайнахскому эпосу)

большой монографии карачаево-балкарского фольклориста, заслуженного деятеля науки КЧР М. Ч. Джуртубаева «Происхождение нартского эпоса» (книга имеется в свободном доступе в Интернете). Полагаем, что она будет интересна не только специалистам, но и всем любителям и ценителям народной литературы.

Х.М.Цечоев

Джуртубаев М. Ч. О вайнахском эпосе

Точка опоры

Первые записи эпических сказаний ингушей и чеченцев были произведены Ч. Ахриевым (1871 г.) и У. Лаудаевым (1872 г.). Большая заслуга в ранней фиксации вайнахских сказаний и их исследовании принадлежит Б. К. Далгату; ряд текстов записан И. Магомаевым и Н. Семеновым. Многие тексты были опубликованы и после революции, в записи Х. Ошаева, С. Эльмурзаева, И. Дахкильгова, А. Мальсагова, Д. Мальсагова, Т. Эльдарханова, М. Кибиева и др. Весь этот наличный материал был издан в качестве приложения к монографии У. Б. Далгат (1972 г.), он и является основным источником в нашем исследовании.

Как пишет автор, ею были учтены не только все дореволюционные публикации, но и «значительное число сказаний, изданных в разное время на языке оригинала в советских изданиях», а также привлечены некоторые рукописные материалы и новые записи, произведенные в последние годы. «Публикация текстов, хотя и составляющих приложение к исследованию, осуществляется автором по принципам академического издания, в сопровождении научного комментария» (Далгат, с. 6). Весьма ценным представляется и составленный И. А. Дахкильговым сборник «Ингушский нартский эпос» (Нальчик, 2012), в который вошли многие тексты, отсутствующие в работе У. Б. Далгат, как опубликованные в различных фольклорных сборниках, так и неизвестные.

Циклов сказаний, посвященных подвигам и приключениям тех или иных героев, в вайнахском эпосе всего три: это сказания о Соска Солсе и Села-Сате, о Патаразе, о Боткий Ширтке. Песенно-стихотворных текстов нет, все произведения изложены в прозаической форме. В отличие от эпосов осетин, абхазов, адыгов и абазин, сказания вайнахов объединены сквозной темой – борьбой за землю, которую ведут чеченцы и ингуши, обитатели гор, с племенем нарт-орстхойцев (карабулаков), занимавшим равнину. «Местные богатыри» сражаются с персонажами, которые в других версиях Нартиады являются ее героями; грань между эпическими нартами и собственно орстхойцами-карабулаками – чисто условная; поэтому противники вайнахских («местных») богатырей именуются нарт-орстхойцами. Но, естественно, все симпатии сказителей на стороне местных героев, защитников родной земли от захватчиков-нартов.

Исследование У. Б. Далгат начинается с обзора этнической истории Северного Кавказа; к сожалению, ее воззрения нигде не выходят за рамки предписанного канонической версией. Она твердо верует в существование неких «субстратных пракавказцев», далеких предков «адыгов, осетин, чеченцев, ингушей и дагестанских народностей», с которыми столкнулись пришедшие из Средней Азии «ираноязычные» аланы; неясно, правда, почему среди перечисленных потомков «субстрата» оказались и осетины-иранцы. Не задается она и вопросом о том, почему ни один из народов «кавказской языковой семьи», веками проживая в одном и том же небольшом регионе и являясь потомками одного «субстрата», не понимает языка другого этноса, даже соседнего.

«Почти все появившиеся на Северном Кавказе пришлые племена, не исключая и сармато-алан, были кочевниками. В момент своего появления кочевники такого рода отличались традиционными чертами жестоких завоевателей». Кто имеется в виду под «пришлыми племенами», У. Б. Далгат не объяснила.

Но позже началась эпоха культурных, торговых и иных контактов. «Существует точка зрения, что сарматы и особенно аланы участвовали в этногенезе не только осетин, рассматриваемых в качестве их прямых потомков, но и других народов, в том числе вайнахов и адыгов».

Во взаимодействии скифо-сарматов и местных племен и развивалась, по мнению исследовательницы, культура народов Северного Кавказа; она добавляет и влияние сасанидского Ирана (Далгат, с. 9—10).

И все, казалось бы, складывалось вполне благополучно, но тут вмешались другие кочевники, «колыбелью которых были степи Монголии и Туркестана», «производительные силы которых были крайне ограничены» и которые почему-то радикально отличались от «кочевников-иранцев» (т. е. сармато-аланов), пришедших из Средней Азии. «После гуннского нашествия, в середине IV в., на северо-восточном Кавказе в ближайшем соседстве с гуннами появляются тюркоязычные кочевые племена „болгар“ – кутургуров, утургуров, савиров, куманов, а несколько позже аваров. Пришельцы были воинственными кочевыми племенами, которые производили грабежи с целью захвата добычи (неужели только они одни? – М. Дж.)». И далее У. Б. Далгат дает цитату из «Очерков истории СССР» (1958 г.): «Подобно гуннам, они оставили скорее своего рода негативные, нежели позитивные, следы в материальной культуре этого времени» (Далгат, с. 11—12).

Как и весь сонм официальных историков, о причинах такой brutality тюркоязычных кочевников У. Б. Далгат, разумеется, ничего не говорит; следует принимать на веру, что средневековые турки отличались от всех прочих обитателей планеты повышенной агрессивностью и неистребимой склонностью к насилию. Вероятно, их производительные силы действительно «были крайне ограничены», вот и приходилось обирать до нитки все окрестные народы и племена (исключительно мирные и добрые).

Об участии тюрков в этногенезе народов Северного Кавказа исследовательница также не говорит, но отмечает: «С X по XIII столетие северная часть северокавказских степей была занята тюркскими племенами кипчаков. Процесс тюркизации некоторых кавказских народов (балкарцев, карачаевцев, кумыков и др.) имел немаловажное значение для формирования их духовной жизни» (Далгат, с. 13). О том, почему «тюркизации» подверглись именно эти народы, как это могло произойти и какие факты свидетельствуют в пользу такого мнения, ничего не сказано. Не говорит У. Б. Далгат и о том, почему, если эти кипчаки целых три столетия доминировали на всей равнинной части Кавказа, о них нет упоминаний в фольклоре ни одного из народов, населяющих этот регион, нет и этнонима в их языках (исключение составляют ногайцы).

кипчак

Далее автор переходит к рассмотрению того общего, что имеется во всех версиях Нартиады, соглашаясь с В. Ф. Миллером, который полагал, что богатырские сказания северокавказских народов представляют собой «один эпический цикл», что проявляется «в обрисовке и характеристике нартских героев, в нартской номинологии, в своеобразии разработки мотивов героизма, в сюжетных и художественных деталях, наконец, в генеалогических отношениях нартских героев». «Сходство нартского эпоса у кавказских народов», как указывал в своих работах Е. И. Крупнов, объясняется «относительной однородностью и единством северокавказской материальной культуры и этнической среды» (Далгат, с. 15).

Концепция

Монографию У. Б. Далгат можно считать наиболее основательной попыткой разработки «субстратной» теории происхождения Нартиады. По мнению сторонников этой теории, Северный Кавказ некогда населял только один народ, говоривший на одном языке; и якобы этот народ послужил субстратом в этногенезе современных этносов региона. Но, так как эта теория была чисто умозрительной, то и все концепции, построенные на ее основе, были такими же умозрительными и состояли исключительно из предположений. Не составила исключения и концепция У. Б. Далгат. Пытаясь подкрепить ее, она, как и другие сторонники «субстратного» происхождения нартского эпоса, оперирует материалами только одной версии (в данном случае – вайнахской). «Вполне естественно, – пишет она, – что если в собственно кавказский этнический субстрат и проникали иноплеменные сюжетные комплексы, то они вживались в местную фольклорную среду. Применяя сравнительно-исторический метод в изучении богатырского и героического эпоса чеченцев и ингушей, мы будем исходить, во-первых, из понятия фольклорной общности „кавказского субстрата“, во-вторых, из тех специфических условий – исторических, этнических, идейно-эстетических, языковых, в которых формировались и бытовали эпические произведения».

В поисках истоков нартских сказаний У. Б. Далгат обращается к древним пластам вайнахского фольклора. «В качестве наиболее архаического составного, но далеко не исходного элемента вайнахского эпоса нужно признать теогонические рассказы о языческих богах и героях». «Более тесно примыкают к героическому эпосу сказания и предания чеченцев и ингушей о героях-богатырях – родоначальниках. В качестве наиболее древнего исходного начала героического эпоса вайнахов мы признаем сказания о великанах-богатырях, образы которых расцениваются как весьма архаическая типовая категория» (Далгат, с. 17—18).

«Достаточно обширный ареал распространения народных рассказов о великанах на Кавказе» «подтверждает (? – М. Дж.) предположение о существовании здесь некогда сформировавшегося древнего богатырского цикла». «Основными, если не исключительными, признаками персонажей указанного типа являются их физические качества – колоссальная величина, невероятная сила, способность съесть огромное количество пищи, добываемой примитивными способами, начиная от каннибализма и кончая охотой, рыболовством и скотоводством» (Далгат, с. 18).

Но тут начинаются противоречия, причем непреодолимые. «В сказаниях и богатырских сказках великаны-богатыри не имеют героических функций. Если подходить к этим образам с позиции общепризнанных представлений об активном поведении героических персонажей в эпосе, то деятельность великанов-богатырей отличается достаточной пассивностью». Автор объясняет это эволюцией «народных представлений о различного рода великанах» – «с одной стороны, сохранялись их древние атрибуты, с другой – эти образы подвергались более реалистическому осмыслению».

«В последнем случае богатырство исполинов, способных перебрасывать скалы, совершать колоссальную работу, получало новое качественное выражение», т. е. пассивное богатырство переходило к активной героике. И если «большинство сказаний о древних великанах-богатырях имеют относительно „бесконфликтный“ сюжет», то в эпико-героическом контексте «наблюдается усложнение конфликтных ситуаций, в основе которых почти всегда лежит антитеза активного героизма эпических персонажей и пассивного могущества великанов» (Далгат, с. 18—19).

Как и почему персонажи древнего «великанского эпоса» поделились на два враждующих лагеря, – одни превратились в героев, а другие в их противников (причем нартами в эпосе вайнахов именуется эти противники), У. Б. Далгат не объяснила. И далее она отмечает: «Помимо

сказаний древних циклов о великанах-богатырях, у вайнахов широко известны и героические сказания о нарт-орстхойцах, входящие в состав общекавказской Нартиады», считая это «фактом одновременного сосуществования эпических сюжетов в разных повествовательных жанрах». Циклический эпос в сравнении с разрозненными сказаниями «представляет собой более позднюю по времени и сложную по своей системе художественную форму», возникшую в результате переработки древних сказаний о великанах (Далгат, с. 19; с. 25).

Таким образом, согласно концепции У. Б. Далгат, героический эпос вайнахов состоит из нескольких пластов:

«Первая эпическая группа – сказания о великанах, исполинах, богатырях-родоначальниках (последние постоянно имеют положительную характеристику). К этой группе относятся эпические рассказы такого рода:

а) о великанах циклопического типа;

б) об исполинах, не относящихся к типу циклопов (включая представление о будто бы реально существовавшем исполинском племени людей прошлого);

в) о могучих богатырях-родоначальниках (полумифических-полуисторических)».

«Вторую эпическую группу составляют рассказы о трех типах героев:

а) о нарт-орстхойцах, в числе которых встречаем такие общекавказские эпические имена и образы, как» ; *Сеска Солса (Соска Солса), Урузман (Орзми), Хамчи, Патарз (Патриж), Ачамза, Техшоко, Германчи, Шертга, Кинда Шоа, Чона-Бороган, Гожак, Наур, Села Сата*

б) о местных героях – ингушских и чеченских (в системе нарт-орстхойского эпоса), которые имеют, например, такие имена: Колай Кант, Охкыр Кант, Эшк, Горжай, и др. (преимущественно у ингушей); Ахмед, Толам-Аго, Чуара Нельбиевич и др. (у чеченцев)»;

в) «о безымянных нартах либо нарт-эрстхойцах и т. д. (у чеченцев); обычно речь идет о «семи братьях»; по аналогии «семь братьев-нартов» – у аварцев, даргинцев, лаков; встречается и у осетин.

Эти образы преимущественно наблюдаются в сказках богатырских и новеллистических. В богатырских сказках герои-богатыри имеют свои имена, например, Пахьтат, Фушт, Ботг и др.

К третьей эпической группе мы относим сказания, предания и легенды, которые непосредственно не относятся к нарт-орстхойскому эпосу». «Здесь тоже фигурируют местные герои, но они в основном находятся вне художественной системы нарт-орстхойских сказаний. Из местных героев назовем таких, как Баркум Кант, Нясар, Лорса, «Сын Лоаман Ха», Тинин Вюсу и др. В третью группу включены сказания и легенды о хромом Тимуре (Астах Темыр), т. е. Тамерлане» (Далгат, с. 26—27).

Противоречия

Таким образом, в отличие от всех других сторонников «субстратной теории» происхождения Нартиады, считавших достаточным основанием предполагаемое существование в далеком прошлом зачатков эпоса в среде гипотетической «пракавказской общности», У. Б. Далгат увидела истоки нартских сюжетов и образов в древних мифах о великанах, сохранившихся в фольклоре народов Кавказа. Но, подгоняя материал под свою концепцию, исследовательница совершенно не заметила, что в таком случае границы героического эпоса как жанра перестают существовать, поскольку включила в него и космогонические мифы, и мифы о языческих божествах, и сказки, и генеалогические легенды, и даже былички (см. тексты, приложенные к ее монографии), как и сказания о нарт-орстхойцах. С таким же успехом могли расширить до необъятных размеров свои эпосы и другие народы Кавказа.

Кроме того, выдвинув это предположение, У. Б. Далгат стала заложницей своей же концепции. Так, о великанах она пишет: «Следует заметить, что природа этих образов совершенно однородна. В основе их существа лежат древние мифологические представления людей, олицетворявших в образах страшных исполинов темную силу» (Далгат, с. 28). О том, когда, как и почему олицетворения «темных сил» превратились в положительно окрашенных героев, в монографии ничего не сказано.

К тому же исследовательница пишет: «Образы великанов по своей художественной сути лишены героического содержания и принадлежат к наидревнейшему эпическому типу». Но затем выясняется, что это не так, и великаны великанам все же рознь. «В сказаниях чеченцев и ингушей, которые следует признать наиболее архаическими, зафиксированы различные образы великанов. Однако если великаны-чудовища типа дэвов и каджей имеют древнеиранское, авестийское происхождение, то великаны-богатыри эпического вида – порождение местной богатырской традиции» – имея в виду, например, богатырей-родоначальников (Далгат, с. 28).

Иными словами, «свои», кавказские великаны – это богатыри и относятся к «эпическому виду», а вот древнеиранские дэвы и каджи – это чудовища. Несмотря на то, что и первые, и вторые «лишены героического содержания».

Не попыталась У. Б. Далгат ответить и на вопрос о причинах вражды нартов именно с великанами, поскольку объединила в одну группу образы богатырей-родоначальников и мифологических великанов, олицетворения стихийных сил и природных объектов. Все сводится к одной и той же фразе об «эволюции эпического образа вообще; от наиболее древнего его архетипа (в пределах внутреннего развития эпического образа от мифического существа к великану-человеку) – до ярко выраженного героя, оформленного во всем эпическом комплексе» (Далгат, с. 29).

Это лишь некоторые из многих противоречий, заложенных в концепции У. Б. Далгат, пытавшейся обосновать ее на материале чеченских и ингушских сказаний. Признать ее выбор удачным нельзя и потому, что в эпосе вайнахов нартами именуется реальное племя – орстхойцы (карабулаки); большую часть текстов, представленных У. Б. Далгат в качестве героического эпоса чеченцев и ингушей, составляют именно сказания о нарт-орстхойцах, противниках вайнахских героев. Пройти мимо этого факта невозможно, но невозможно и объяснить, почему «эволюция эпического образа» привела к отождествлению злобных великанов с орстхойцами, а богатырей-родоначальников превратила в «местных» героев. Как и то, почему тот же процесс не произошел в среде других народов Кавказа, признаваемых потомками одного и того же «субстрата».

« (выделено нами. – М. Дж.) сюжетное их развитие осуществляется в плане драматических коллизий, столкновений местных положительных героев с отрицательными нарт-орст-

хойцами». «Надо заметить, что местные герои в отличие от воинственных нарт-орстхойцев, совершающих походы и набеги, выступают в сказаниях исключительно в роли положительных героев. В большинстве случаев их изображают мирными тружениками, занимающимися земледелием и скотоводством, и вместе с тем они в сказаниях предстают людьми мужественными, могучими и отважными, способными охранять родную землю и своих родичей» (Далгат, с. 30).

В большинстве нарт-орстхойских сказаний

Таким образом, если даже образы местных героев и восходят к «великанскому эпосу» народов Кавказа, то неясно происхождение образов «злых» нартов (орстхойцев), собратья которых в остальных национальных версиях Нартиады не представляются в виде великанов-людоедов. У. Б. Далгат делает попытку найти выход, предполагая: «Не являются ли так называемые местные герои вайнахских сказаний олицетворением местных иберо-кавказских племен, потомков древних кобанцев, населяющих северокавказские предгорья и горы, а нарт-орстхойцы – поэтическим синтезом разного рода пришельцев-кочевников?» (Далгат, с. 30).

Исследовательница не замечает, что в этом случае она противоречит себе же; получается, что «поэтическим синтезом» пришельцы-кочевники-нарты стали только в эпосе вайнахов, но не у остальных потомков древних кобанцев. Далее следует еще более странное предположение: «Скорее всего здесь мы имеем дело не с каким-либо конкретным народом, а с обобщением каких-то исторических явлений, с образами, синтезирующими внешних и внутренних завоевателей, насильников разного рода, совершавших набеги в ту древнюю пору»; «...отрицательное (в основном) восприятие образов нарт-орстхойцев не может иметь сколько-нибудь определенный этно-исторический эквивалент» (Далгат, с. 31).

Как же не может, когда вайнахский эпос прямо и определенно называет противников «местных» героев «нарт-орстхойцами» и никаких «пришельцев-кочевников» (за исключением черкесов, ногайцев и кабардинцев) в сказаниях и преданиях вайнахов нет, а потомки орстхойцев-карабулаков и сейчас живут в Чечне и Ингушетии? Кроме того, если согласиться с предположениями У. Б. Далгат, получается, что другие народы Кавказа под именем нартов воспевали в своих сказаниях «разного рода кочевников, завоевателей, насильников», и только вайнахи – местных «иберо-кавказцев».

«Сам факт художественного проецирования в нарт-орстхойском эпосе вайнахов событий большой исторической давности, изображение походов и набегов воинственных нарт-орстхойцев на мирных тружеников – местных героев, их специфическая поляризация, идейно-художественная интерпретация упомянутых образов – все это, как и многое другое, свидетельствует в общей системе кавказской Нартиады об исконной (? – М. Дж.) древности нарт-орстхойского эпоса вайнахов» (Далгат, с. 31).

Но если нарт-орстхойцы вайнахского эпоса – «поэтический синтез разного рода пришельцев-кочевников», притеснителей чеченцев и ингушей, то кого следует видеть в героях эпических сказаний абхазов, абазин, адыгов, осетин, карачаево-балкарцев? Или эти агрессивные «пришельцы» враждовали только с вайнахскими племенами, а для остальных были благодетелями? И кто, в таком случае, создавал сказания о богатырях-нартах – сами «кочевники» или «автохтоны-пракавказцы»?

Но, к сожалению, такими вопросами У. Б. Далгат не задавалась. Поэтому и неудивительно, что в заключение II главы своей монографии она пишет: «В данном разделе книги мы старались на материале вайнахского и кавказского фольклора вообще сформулировать определенную концепцию. Сущность ее состоит в признании у многих кавказских народов древней великано-богатырской эпической традиции. На ее основе, на наш взгляд, и развивался героический нартский эпос» (Далгат, с. 103).

Разумеется, предметом нашего анализа будут сказания о нарт-орстхойцах, поскольку именно их, вопреки мнению У. Б. Далгат, и можно считать героическим эпосом чеченцев и ингушей, повествующим о борьбе их предков с воинственными иноплеменниками.

Нарты и орстхойцы

Относительно нарт-орстхойцев и нартов Ч. Ахриев пишет (в 1870 г.): «Во всех ингушевских сказках и песнях героями являются нярты (нарты) и орхустойцы с противоположными характерами. Первых изображают как людей в высшей степени добрых и нравственных, а потому не удивительно, что слово «нярт» сделалось между ингушами нарицательным именем. Ингуш, желая выразить посильнее похвалу кому-либо, говорит «нярт воI сана ва из», т. е. «он молодец, как сын нарта». Нарты «в памяти народа... являются рыцарями, защитниками слабых, и вот почему они ведут непрерывную борьбу с орхустойцами, являющимися в народных сказаниях как люди злые, коварные, завистливые...

...По какому-то странному обстоятельству местом действий орхустойцев, как и няртов, служит Галгаевское ущелье, между тем как постоянное жительство этих героев, как уверяет народное сказание, есть Осетия, именно Санаби... Число няртов, как в сказках, так и в песнях, не определено, но орхустойцев считается 60 человек, и все они одного происхождения» (Далгат, с. 106).

По характеристике Ч. Ахриева, «нярты верили в бога и поклонялись ему»; «орхустойцы» хотя и верили, но всегда вели борьбу с богом (основанием для этого вывода является только один небольшой текст; имеется в виду языческое божество Села, чужое для карабулаков. – М. Дж.). «В наказание за это бог постоянно противодействовал их желаниям и предприятиям»; «...они, видя, что борьба их не равносильна, решились на отчаянную смерть: они расплавили красную медь и выпили ее...» (Далгат, с. 106—107).

По мнению сказителя Ганыжа, «нарты и орстхой во времена Моисея жили на плоскости примерно там, где находится Назрань». «Б. Далгат на основании этого пишет: «Если это и так и если это не есть позднейший перенос места жительства нартов вместе с переселением самих ингушей на плоскость, то это говорит много в пользу того, что нартский эпос развился на плоскости, а занесен и сохранился в горах» (Далгат, с. 108—109).

«По сказаниям, все орстхой вели бродячий образ жизни, были людьми сильными, жаждущими борьбы, они были злыми и коварными. Один из орстхоев будто бы даже соблазнил Мать вод – Химиханана. Сказитель Газбык (не разделявший нартов и орстхоев) говорил, что все орстхой грабили и обижали народ и помогали «только своим орстхоям». Сказитель Ганыж (разделявший нартов и орстхоев) уверял, что орстхой были храбрее нартов. Орстхой умерли, выпив расплавленную медь. Нарты были людьми богоугодными и благочестивыми. Жили они в селении Яндырка около Назрани. Нарты сами стали просить у бога смерти. И нарты, и орстхой погибли у Татар-Тула (у нынешней станции Эльхотово).

В плоскостной Чечне и Ичкерии, по сведениям У. Лаудаева, различие нартов от орстхоев исчезает вовсе, и там о нартах говорится примерно то же, что об орстхойцах у ингушей. Лаудаев сообщает, что нарты в представлении чеченцев – «керестан-исполины, они везде являются угнетателями народа» (Далгат, с. 108—109).

На основе всех этих и других сведений Б. Далгат пришел к выводу «о тождестве орстхойцев с нартами других народов Кавказа». «Орстхойцы, утверждает он, есть копия с нартов кабардинцев, осетин и балкарцев. Основные черты этих героев у северокавказских народов одни и те же». Он же указал и на присутствие в эпосе вайнахов двух групп героев. «Во-первых, нарт-орстхойцев, справедливо подчеркивая при этом, что собственно чеченцы не всегда отличают нартов от эрхустойцев, называя „63 нартов“ то нарт-эрхустойцами, то просто нартами. Во-вторых, тип „чеченских (в смысле вайнахских. – У. Д.) нартов“, имея в виду сильных мирных обитателей, на которых нападали орстхойцы» (Далгат, с. 109).

Точка зрения Башира Далгата о тождестве нартов и орстхойцев предпочтительнее, в ее пользу свидетельствуют сами эпические тексты. Но считать утверждение Ч. Ахриева об их

различном нравственном облике ошибочным нельзя. На наш взгляд, он опирался на какие-то, не дошедшие до нас сказания, в которых отражалась память о периоде междоусобиц и столкновений на религиозной почве внутри карабулаков.

А. О. Мальсагов пишет: «Нарт-орстхойцы – герои в фольклоре вайнахов, известные многим народам Северного Кавказа под именем нарты. Нельзя отождествлять эпических нартов со сказочными. В последнем случае они, как правило, выступают в роли злых и глупых великанов. Такая тенденция особенно наглядно проявляется в чеченском языке» (Сказки и легенды ингушей и чеченцев, с. 338).

Согласиться с мнением о различии нартов эпических и сказочных в вайнахском фольклоре трудно, поскольку и те, и другие враждебны людям и выступают по отношению к ним в роли притеснителей. Различие в облике – нарты сказочные выглядят хтоническими чудищами-людоедами, а эпические нарты (в большинстве случаев) описаны как люди, – объясняется тем, что образы первых возникли в период ранних и весьма враждебных контактов вайнахов с карабулаками, а образы вторых относятся к более позднему времени и более близкому знакомству двух этносов.

Нарты и местные герои

По характеру своей эпической деятельности нарт-орстхойцы резко противопоставлены местным героям, что особенно наглядно по перечню основных черт тех и других, составленных У. Б. Далгат (в сокращении):

. Имеют имена собственные. Число их не определено. В народном восприятии идеализированы как положительные герои. Наделены не только силой и мужеством, но и благородством, умом и другими добродетелями. Воспринимаются как местные жители. Отдельным особым обществом не являются. Живут в башнях и повсеместно признаются основателями родов и фамилий. Занимаются мирным трудом, они пастухи и земледельцы; на нарт-орстхойцев не нападают. Выступают защитниками родной земли, стоят на богатырской заставе. С богами не борются, напротив, это люди богоугодные. Воспринимаются как реальные лица, коэффициент фантастического в их обрисовке относительно незначителен. *Местные (вайнахские) герои*

Имеют имена собственные, в числе которых есть и общенартские. Число нартов – обычно 60—63. В народном представлении воспринимаются как угнетатели-пришельцы, грабители и насильники. Сильны и мужественны, наделены хитростью, воинственны. Живут в башнях. В некоторых случаях считаются родоначальниками. Составляют отдельное общество. Основными занятиями нартов являются походы за добычей, разбой. Постоянно нападают на местных героев. Лишены патриотических черт, стоят на заставе только в редких случаях, когда имеет место побратимство (Соска Солсы) с местными героями. Богам чужим, вайнахским. – М. Дж. не подчиняются, ведут с ними борьбу. (). Коэффициент фантастического в обрисовке нарт-орстхойцев довольно значителен» (Далгат, с. 110—112). *Нарты (нарт-орстхойцы). выделено нами.* – М. Дж. () **Воспринимаются как определенный народ, существовавший в прошлом**

Добавим к этому, что в некоторых сказаниях нарты изображены великанами-людоедами, иногда с одним глазом во лбу, а иногда многоголовыми. Если бы карабулаки-орстхойцы изначально были частью вайнахского этноса, ничего такого о них не говориться не могло. Характерно также примечание У. Б. Далгат: «В числе перечисленных тем мы не найдем темы труда. Эта тема не составляет предмета внимания тех эпических рассказов о нарт-орстхойских героях, в которых традиционная типология образов сохраняется полностью и которые со временем еще не подверглись деформации» (Далгат, с. 116).

И это вполне понятно. Было бы странно, например, встретить в русских былинах описание мирного труда «злых татаровей» или хазар. Но, разумеется, в вайнахских сказаниях достаточно часто говорится о трудовых занятиях местных героев. Казалось бы, все вполне ясно: в вайнахском эпосе речь идет о борьбе чеченских и ингушских героев с нартами, представителями чуждого иноязычного племени – слишком резко они отличаются друг от друга. Но такого вывода У. Б. Далгат не делает (как и другие нартоведы). Чтобы объяснить процесс появления нарт-орстхойского эпоса, она вновь выстраивает цепь предположений.

1. «Вполне возможно предположить, что вайнахи, „получив“ нартов от других северокавказских народов, спаяли их со своими древними преданиями и сказаниями». (Иными словами, получается, что в создании нартского эпоса участвовали не все потомки «кавказского субстрата», которому, по мнению У. Б. Далгат, и принадлежат эти сказания).

2. «... вполне вероятно предположить, что исторические орстхой-карабулаки могли запечатлеться в памяти народа как люди суровые и мужественные» и «рассказы о набегах и грабежах сильного воинственного племени орстхоев-карабулаков в ретроспективном восприятии народа смешались с древними эпическими образами».

3. «Попав в эпос, орстхойские герои спаялись с более древними эпическими образами, преимущественно (но не исключительно) отрицательного содержания – разного рода пришельцами и завоевателями, олицетворенными в тех или иных эпических персонажах».

4. «Присоединение к понятию „нарт“ слова „орстхой“, на наш взгляд, есть свидетельство местного осмысления и приспособления древней общенартской героической традиции к вайнахским условиям только определенного исторического периода» (Далгат, с. 114—115).

В эту цепь предположений поверить трудно, поскольку неизвестно, когда и от какого народа вайнахи «получили нартов» (или от всех сразу?) и почему у них не было «общенартской героической традиции»; неясно и то, почему образы нартов вдруг получили у них отрицательную окраску и зачем вайнахи присоединили к термину «нарт» свой этноним «орстхой»; если же «разного рода пришельцы» и до того времени олицетворялись у чеченцев и ингушей в образах нартов, то непонятно, почему У. Б. Далгат говорит, что они «получили» их у других народов (каких?).

Происхождение орстхойцев

Высказав предположение, что нарт-орстхойцы являются «олицетворением пришельцев», У. Б. Далгат, тем не менее, почему-то считала их одним из вайнахских племен. Никаких оснований для такого мнения не существует, но такова точка зрения и других нартоведов. Отмечая, что вопрос об отношении нарт-орстхойцев эпических к орстхойцам этническим представляет большую сложность, У. Б. Далгат пишет: «На наш взгляд, в данном случае имеет место частичная идентификация эпических героев с реально существовавшим вайнахским племенем карабулаков, о котором в фольклоре сложено немало фантастических рассказов, легенд и преданий» (Далгат, с. 113).

Почему же эти «фантастические» произведения были сложены именно об орстхойцах, если они являлись только одним из вайнахских племен, притом не самым большим? «По некоторым историческим сведениям, орстхой-карабулаки в период межродовых и межфамильных раздоров были наиболее воинственным и непокорным обществом, которое устрашало и подавляло слабые фамилии и роды, выселявшиеся с равнины на плоскость. В те далекие времена орстхой-карабулаки активно участвовали в поимке пленников и продаже их в Дагестане, в (кумыкском. – М. Дж.) селении Эндери, бывшем на Северном Кавказе центром работорговли» (Далгат, с. 113).

Но У. Б. Далгат не говорит, почему эти вайнахи-орстхойцы подавляли только своих соплеменников и только их продавали в рабство и почему рассказы об орстхойцах носили фантастический характер (что характерно для народных представлений о врагах-иноплеменниках), как и о том, почему у соседних народов (например, у тех же кумыков, ногайцев, осетин, кабардинцев) нет сказаний о войнах с карабулаками.

«Установлено, что вайнахские племена были одними из наиболее ранних обитателей Кавказских гор и ущелий, хотя точных исторических данных о времени их водворения в горы пока что не имеется. Местами первых поселений вайнахских племен считаются верховья Аргуна и Ассы». По чеченскому преданию, «некий аккинец, по имени Арштхоо, выселившись из своего общества (горного Аккинского общества) и спустившись со своим родом в Бамутское ущелье, основался у источников, называемых Черными Ключами (по-кумыкски – Карабулак). От населения, основанного здесь Арштхоо, образовалось особое общество, называвшее себя... Арштхой» (Далгат, с. 38; с. 41).

«По рассказам сказителя Ганыжа, некогда жили три брата: Га, Орштхо и Нахчо, от которых произошли все галгайцы, орстхойцы и нохчи. В представлении ингушей указанные братья пришли в горы с востока и поселились в месте Галга – и отсюда уже расселялись по всей чеченской и ингушской земле. Орстхой поселились в Датихском ущелье Галгаевского общества по течению реки Асса». «В ауле Датих первыми из потомков Арштхо были Дзаг Арштхоев и двоюродный брат его Чопа, сын Борага. Этот эпоним, как увидим, вошел и в богатырский эпос» (Далгат, с. 42—43).

«Арштхой начали расселяться по ущелью реки Асса и образовали много селений по ее течению до самого Аки-Юрта на плоскости. Там их стали называть русские и кумыки карабулаками» (Далгат, с. 43). В чеченских преданиях этих братьев зовут Аки, Шото и Га. «И здесь упоминается некий аккинец Арштхо, который фигурирует как патроним арштхоев-карабулаков. В сказании „Об основании аула Оббоно“, записанном Ч. Ахриевым, говорится, что „наши предки происходят от орхустойцев“ и что они были славными героями и прославили себя между народами» (Далгат, с. 113).

Убедительное, на наш взгляд, объяснение этнонима дает А. О. Мальсагов: «По всей вероятности, «орстхой – арштхой – аьрашхой» происходит от «аре» (равнина, плоскость), ш – показатель множественности, «та – послелог, «хо – словообразовательный суффикс.

Таким образом, «орстхо – арштхо – аьрашхо» (житель равнины) в противоположность «лоамаро» (горец)» – (Далгат, с. 115).

Ч. Ахриев считал, что к историческим «преданиям ингуш отчасти должны быть отнесены сказания об орхустойцах». «При этом он рассуждал о них как о народе: «Об этом народе мною было сказано несколько слов в III выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах». Таким образом, Ч. Ахриев фактически связывал эпических героев из «сказаний об орхустойцах», которые он записал и опубликовал как эпические произведения, с орхустойцами в их этническом понимании» (Далгат, с. 112—113).

Однако понимание орстхойцев как особого, отличного от вайнахов народа отражается и в сказаниях. Герой по имени Чопа Борган был женат на лесной женщине (по мнению ингушей, лесные женщины отличались чрезвычайной красотой, в отличие от лесных мужчин). От нее у Чопа Боргана (в других сказаниях он именуется нарт-орстхойцем) был сын, который смертельно ранил своего отца в отместку за убийство дяди.

«». Она почувствовала человеческий запах и сказала дочерям: «» (Далгат, с. 261—263). *Умирая, он завещал, чтобы в комнате, где он будет лежать мертвый, никого не было. Так и сделали. Но одна из женщин из любопытства осталась с трупом. В полночь комната вдруг осветилась, это явилась лесная женщина со своими прекрасными дочерьми оплакивать Чопу Кто слышит наш разговор, да не удовлетворятся души его потомства!». Произнесши это заклятие, лесная женщина исчезла вместе с дочерьми. От женщины, спрятавшейся в комнате, произошли орстхойцы (карабулаки). Известно, что они самый беспокойный народ в мире и ничем не удовлетворяются*

У. Б. Далгат приводит и анекдот о том, как некий орстхоевец, со словами: «», трижды уводил и продавал в рабство одного галгая. В третий раз галгай спросил: «». О других чеченских и ингушских племенах и родах ничего такого почему-то не говорится. И опять же остается неясным, почему орстхойцы оставили по себе недобрую память лишь в фольклоре вайнахов, а и не других народов Северного Кавказа. «Еще и поныне, – пишет У. Б. Далгат, – ингуши и чеченцы рассказывали были и небылицы о своих отношениях с орстхойцами в далекие времена» (Далгат, с. 114). *Я, Муцарг, увожу тебя Все орстхойцы имеют имя Муцарг или это ты – один и тот же – все уводишь меня?*

Почему же нет таких же былей и небылиц о взаимоотношениях других ингушских и чеченских обществ? И разве сам смысл фразы У. Б. Далгат не говорит о том, что речь идет о совершенно чуждом для вайнахов племени? «Племенные столкновения в прошлом были не только между галгаями и орстхойцами, но и между орстхойцами и нохчами (нохчо – самоназвание чеченцев). Старик Муслим Мамергов, чеченец, рассказал в 1958 г. И. Дахкильгову следующее предание: «(кар.-балк. «нартский князь». – М. Дж.) ...» (Далгат, с. 114). *Некий орстхоевец по имени Няртби нартбий был суровым и воинственным человеком. Он притеснял нохчоев и издевался над ними, отбирая их земли. Один чеченец, говорят, рассердившись на Няртби, воткнул ему кинжал в пах. Няртби, придерживая рану одной рукой, другой вытащил свой меч из ножен и побежал за чеченцем. С разбегу он ударил его по голове мечом. Конец меча застрял в голове чеченца, весь же меч торчал наружу, свешиваясь назад. Убегающий в страхе человек не сразу почувствовал, что в голове его меч, он продолжал бежать и тогда он был похож на удода. Видя это, орстхоевец Няртби, говорят, остановился и принялся хохотать. Указывая на бегущего, он кричал: «Смотрите, смотрите, вон бежит удода»; так со смехом он и умер*

Все эти рассказы, как и другие данные прямо говорят о том, что орстхойцы-карабулаки изначально вайнахским племенем не были. Если же придерживаться другой точки зрения, перед нами предстанет весьма странная картина: один из мирных вайнахских родов () переселяется с гор на плоскость, разрастается в мощное племя и переименовывает себя в «равнинни-

ков» ( ), однако соседи называют его «черными родниками», но не по вайнахски, а по-кумыкски. *лоамаро орстхой*

Затем это племя вдруг превращается в «воинское колено», но начинает воевать не с ино-племенниками, а со своими сородичами (чеченцами и ингушами) – отнимает их земли, ловит и продает их в рабство, совершает на них набеги, грабит и насильничает; более того, в фольклоре вайнахов оно становится эпическим племенем (с которым сражаются «местные» богатыри) с непонятным именованим «нярт», многие представители которого почему-то носят не чеченские и ингушские имена, а тюркские (см. ниже). Поверить в такие превращения трудно. Нарт-орстхойцы – явно не-вайнахское племя.

Народ о нарт-орстхойцах

Следует сказать, что эволюции образа местных героев в вайнаховском эпосе нет, в то время как эволюция образа орстхойцев по материалам сказаний прослеживается ясно. Это является еще одним свидетельством в пользу мнения о том, что они были иноязычным племенем, представления о которых у чеченцев и ингушей по мере все более близкого знакомства с ними постепенно менялись. Как известно, иноплеменники-враги в фольклоре часто изображаются злыми великанами. То же самое мы видим и в эпосе вайнахов.

«Д. Г. Жантиева в своем интересном докладе на тему «Героический эпос горцев Северного Кавказа», ссылаясь на известную ей рукописную работу Ф. И. Горепекина «Ингуши» (т. IV, кн. 2), пишет следующее: «Жили нарты в подземельях... Они были настолько сильны, что вырывали большие чинары с корнями и рукой очищали их от листьев. Тело их, обросшее длинными волосами, прикрывалось кожей диких зверей. Последний представитель этого народа – нарт Тэймысхан встретился одному чеченцу, который спросил его: «Зачем вы, нарты, ходите по свету и причиняете зло повсюду?». Нарт попытался перехитрить чеченца и убить его, но это ему не удалось; он спрятался в подземелье, и больше нартов никто не встречал» (Далгат, с. 164).

По мнению У. Б. Далгат, этот «вид нартов-богатырей, запечатлевшийся в чеченских преданиях, относится к наиболее древнему типу». «В чеченских сказаниях такие древние нарты не имеют положительных характеристик. Эти великаны, живущие вдали от людей, обычно враждебны людям. Подобные образы довольно часто встречаются и в чеченских сказках, например, в записи Т. Эльдархановым чеченской сказки „Завет отца“. Здесь о нартах сказано, что это великаны неимоверной силы; живут они в пустынном месте, усеянном трупами людей, убитых ими. У нартов есть кони, борзые и соколы» (Далгат, с. 163—164). Почему же народ отождествил этих злобных и диких великанов именно с нартами, а затем и с карабулаками-орстхойцами, а не с каким-то другим племенем?

У. Б. Далгат считала, что образы этих великанов, имевших неприятный облик и злобный нрав, позднее были эстетизированы и нарты обрели вполне человеческий облик. «В большинстве случаев в чеченском языке нарты приводятся в классе „ду-ду“. К классу „ду-ду“ относятся мифические существа, например, ешар, убар (упырь), малейк (ангел), алмас. Вместе с тем о нартах иногда говорится как о людях в мужском классе» (Далгат, с. 172). Но вот что говорится в одном из сказаний: некий князь «долго шел, пока не встретил огромного нарта. Увидев его, нарт из своей ненависти к людям, бросился на него, но предусмотрительный князь убил его стрелой» (Далгат, с. 355). То же самое, например, в сказании «Разгром нартов»: «Между людьми и нартами возникали раздоры и войны». «От жажды нарты очень ослабели. Тогда люди и истребили их» (Далгат, с. 342). Противопоставление людей нартам есть и в других текстах.

Признаками наиболее древнего типа великанов, несомненно, являются черты хтонизма. Очевидно, однако, что нарты в ранних сказаниях вайнахов – это мифологизированный образ опасных и сильных врагов-иноплеменников. Потому-то у них, враждебных людям и живущих в пустынных местах, есть кони, борзые и соколы, что для хтонических чудищ (в которых У. Б. Далгат увидела прообразы нартов) было бы, по меньшей мере, странно.

В сказании «Тимар с обгоревшим боком» в роли Полифема выступает нарт-эрстхоец, который пас овец и на которого случайно наткнулся герой Тимар вместе с шестью своими братьями. Нарт был так огромен, что братья не смогли сдвинуть с места его шапку. Вход в жилище нарта, сделанного в скале, закрывал огромный камень. Тимар рассказывает своему гостю-охотнику:

« (нарт. – М. Дж.) ». Он зарезал барана, съел его, а нам бросил кости, потом, хватая нас по одному, насадил на шампур и положил его над пламенем, чтобы подпалить нас. Съев моих шестерых братьев, он лег спать, меня же оставил в живых, так как я только с боку подгорел

Но Тимару удалось спастись и вернуться домой. Охотник, выслушав его рассказ, нашел нарта-людоеда, расправился с ним, оживил братьев Тимара волшебным черным оселком и женился на их сестре (Далгат, с. 273).

В другом варианте герой Тюнин Вису встречает великана-пахаря Эржи Хожу, который рассказывает ему почти то же самое: «». Но Эржи Хожа, которого нарт посчитал слишком худым, ночью ослепил нарта и выбрался из пещеры (Далгат, с. 282). *Я и мои десять братьев отправились на охоту, где мы наткнулись на одноглазого нарта. Он всех нас поднял и опустил в кисет с табаком. Придя домой, он вытащил моих десяти братьев из кисета, повертел их над огнем и, будто орехи, бросая их в рот, съел по одному*

Как и все нарты, герой Сеска Солса гибнет, по вайнахским сказаниям, выпив расплавленную медь. Но есть сказание, в котором его смерть описана по-другому: «». «» (Далгат, с. 336). *В давние времена когда-то жил один мужчина по имени Сеска Солса. За один присест съедал он целого барана. Как заснет – неделю спал, а как бодрствует, так целый месяц ходит. А был он одноглазым. Сеска Солса не имел своего дома, потому и странствовал все время по долинам, горам и лесам. На свете не было человека, кто мог бы одолеть Сеска Солсу. Однажды, когда он спал, его враги предательски выкололи его единственный глаз. Из-за этого Сеска Солса никуда не мог больше пойти и умер*

В этих сказаниях также проглядывают ранние представления вайнахов о нарт-орстхойцах как о хтонических чудовищах: одноглазый нарт разгрызает людей, как орехи (но имеет кисет), нарт Сеска Солса не имеет дома, спит неделю, а бодрствует целый месяц и гибнет, как циклоп, которому выкололи его единственный глаз. В кар.-балк. сказаниях подобными чертами наделены только глупые и безобразные эмегены-великаны, лютые враги нартов.

«В сказке „Три брата и нарт-эрстхойцы“ образы нарт-эрстхойцев, потеряв свое эпическое значение воинов-завоевателей, превращены в трех- или девятиголовых чудовищ» (Далгат, 1977, с. 46).

Исследовательница не заметила, что противоречит сама себе. Получается, что нарт-орстхойцы были вначале представлены как воины-завоеватели, и лишь затем превратились в многоголовых чудовищ. Но выше она же говорила о том, что образы древних великанов, «имевших неприятный облик и злобный нрав, позднее были эстетизированы и нарты обрели вполне человеческий облик».

На наш взгляд, все как раз наоборот: в архаических текстах вайнахов нарт-эрстхойцы представлены хтоническими чудовищами, а в более поздних – воинами-завоевателями, необыкновенно агрессивными, но не лишенными и многих достоинств. «Ож-Болат – положительный герой, он помогает людям и противодействует злу. Вместе с тем он называется нарт-эрстхойцем, которые, по сказаниям, всегда враждебны людям» (Далгат, 1977, с. 46). Есть и сказание, в котором главный герой эрстхойцев – Сеска Солса – представлен не нартом, а просто сильным человеком: « (азербайджанцев. – М. Дж.). ». Они направили его к своей матери; зная, что они причинят Солсе зло, она помогла ему бежать. Братья пускаются за ним в погоню, но одноглазый нарт-эрстхойец, который пас овец, спрятал Солсу под язык, а трех братьев-нартов связал волосом, вырванным им из своей спины (Далгат, с. 283—284). *Кто обладает большей силой, чем я? – сказал Солса и отправился странствовать. Чтобы испытать свою силу, он кинул быка от Аксая через море в страну гажарий. Он шел, сомневаясь, что найдется такой же богатырь, как он сам. Долго странствуя, он дошел до трех братьев нарт-эрстхойцев, которые косили сено*

Таковыми же чудовищами предстают семеро нарт-эрстхойцев, живущие в башне, в другом варианте этого же сказания. Но спасает безымянного охотника (возомнившего себя самым сильным человеком на свете), спрятав в его в яме из-под выпавшего зуба, также нарт по имени Гонча, который пахал поле на семи кабанах. Прогнав преследователей, он рассказал охотнику о том, как он лишился зуба:

« (горский камин. – М. Дж.). ». До сердца Гончи шампур не дошел; когда Сарган уснул, он ослепил его и убежал. Нарт-эрстхоец бросил в него камень, осколок которого и выбил Гонче зуб. Характерно окончание сказания: «—» (Далгат, с. 285—287). *Нас было семеро братьев, из которых самым слабым был я. И была у нас одна сестра. Ее похитил нарт-эрстхоец по имени Сарган, с одним глазом в середине лба. Мы семеро братьев отправились отбить ее. Миновав семь гор, мы прибыли в то место, где жил Сарган. Любезно приняв нас, справившись о нашем здоровье, Сарган разжег товгу. После этого он повесил над камином длинный железный шампур. Накалив его докрасна, Сарган стал по старшинству насаживать нас на шампур, продевая каждого через сердце. Ты же не житель равнины, сказал Гонча охотнику в конце своего рассказа. – Иди домой и старайся жить честным трудом*

Выходит, что разбойничали и насильничали жители равнины, карабулаки-орстхойцы, в противоположность мирным вайнахам, труженикам-горцам. Но, как видим, уже не всегда и не все нарты представлены людоедами или грабителями; это результат более близкого знакомства вайнахов и карабулаков.

Противостояние

Во многих сказаниях нарты противопоставляются людям, но и хтоническими чудищами не выглядят – это люди, только необыкновенно сильные, воинственные и жестокие. «». «» (Далгат, с. 288). «». Мудрая вдова Жербаба подсказывает девушке, как избавиться от жестокого нарта. Она говорит ему, что без усов богатыря Тинин Вюсу и ножниц его матери Селасаты шубу сшить невозможно. Нарт вызывает Тинин Вюсу на поединок, но погибает от его руки (Далгат, с. 393). *Нарт-эрстхойцы жили по лощинам близ реки Ясса. О них говорят, что они были высокого роста, плотные и каждый был сильнее семерых людей. Если у кого и случалась нужда в каком-нибудь обломке скалы или в топоре, они перебрасывались ими на расстоянии. На местности, которая называлась Кире, жили семь братьев и сестра. Узнав, что они там живут, один нарт-эрстхоец убил семерых братьев, снял с них кожи, а сестру их забрал себе в жены. Когда он ложился спать, то сказал уведенной им девушке: «Уснув, я сплю целую неделю, не просыпаясь. Пока буду спать, ты сшей мне шубу из кожи своих братьев»*

«». На своем громадном коне нарт отправляется в гости к чеченскому богатырю. Но хозяин, обладающий непомерным аппетитом, внушает нарту страх, и он говорит, что пришел заключить с ним родство (дружбу). *Гезама и его сын Гезама Али происходили из чеченцев. Однажды сын задумал отправиться с овцами в горы, где они давали хороший приплод. Толам-Аго был среди нартов именитый нарт. Толам-Аго узнал, что Гезама-Али с овцами находится в его крае. Имени Толам-Аго не смел назвать ни один житель города, в котором горело девять тысяч огней*

«—». *Толам-Аго возвратился домой. Однажды говорит он своим хилым (слабым, трусливым) нартам: «У Гезама Али овцы уже расплодилось. Я был у него четыре года назад. Пойдите, пригоните овец и по доброй воле приведите и его самого. Прибыли они к Гезама Али, а было их 63 нарта. «Мы заберем твоих овец, по своей воле можешь пойти и сам». «Сам я не пойду, а овец забирайте», сказал Гезама Али. Они взяли овец и ушли*

Вернувшись домой, Гезама Али попросил отца изготовить ему 63 стрелы и, забрав их, пустился в погоню, перебил всех нартов и вернулся с овцами в свой стан. Оттуда он отправился к Толам-Аго, жена-красавица которого «». Победив нарта в поединке, чеченский богатырь пощадил его, но велел ему возвести три кургана и вспахать их (Далгат, с. 317—318). *поведала ему о подлом поступке мужа*

Три князя ехали, ехали, и «» (вряд ли сказитель говорил бы так, если бы считал орстхойцев одним из исконно вайнахских племен). *«добрались, наконец, до той страны, где жили нарт-эрстхойцы. А нарты в это время забавлялись своими играми: стреляли из луков, а затем разбивали стрелы пулями – и делали это на всем скаку. Увидев остановившихся в изумлении князей, один из нартов и говорит другим: «Опять к нам забрались эти люди! Кроме беды, от них ожидать нечего. Перебьем их лучшие стрелами!»*

»(Далгат, с. 355). *Но другие нарты не согласились, считая постыдным для себя истреблять подобных «мух» и решили показать им три такие опасные дороги, откуда бы они уже не вернулись назад. И вот, когда князья стали их расспрашивать о дороге, нарты так и сделали .*

Нарты уже представляются вайнахам просто соседним племенем, у которых все, как у людей (состязания, например); более того, нарты сами опасаются вайнахов. Напряженность в отношениях двух народов сохраняется, но заключаются и браки, и дружеские союзы, несмотря на то, что нарты (орстхойцы) – люди своевольные и вероломные, не признающие никаких преград своим желанием и прихотям. Так, Сеска Солса пытается увести Альбику, жену своего друга, местного героя Охкархой Канта. Ей пришлось пойти на уловку: женщина накормила нарта кашей, приготовленной на ее грудном молоке, а потом сказала, что теперь он

стал ее сыном. Благодаря этому дружба между двумя великими воинами осталась нерушимой (Далгат, с. 321—322).

Позорный поступок совершает и другой (безымянный) нарт-орстхоец. Узнав, что местного богатыря Пхагал Бяри нет дома, он хитростью вошел в его башню, остался в ней ночевать, а ночью изнасиловал его жену. «». Но Пхагал Бяри настиг насильника, снес ему голову и вернулся домой вместе с женой (Далгат, с. 323). *Утром он посадил опозоренную женщину на коня позади себя и отправился восвояси*

Местный богатырь Чуара Нельбиевич женился на царской дочери, ехал с ней домой в экипаже и наткнулся на семерых братьев, нартов-эрхустойцев. «», без оружия. Но его невеста успела бросить ему шашку, и он расправился с нартами (Далгат, с. 327). *Они его обманули, уверив в своей дружбе. Чуара Нельбиевич подошел к ним без оружия. Этим воспользовались братья нарт-эрхустойцы; они сели в его экипаж и помчались с его невестой. На своем коне, который случайно отвязался от экипажа, Чуара поскакал за ними*

По чеченскому сказанию, нарт-эрстхойцы враждовали с мярт-болатхойцами. Все 69 мярт-болатхойцев были уничтожены, кроме одного; его прикрутили проволокой к дереву. Далее появляется герой, отец которого завещает ему боевого коня, саблю «зильбухар» и панцирь. Герой должен отомстить нарт-эрстхойцам за их насилия (Далгат, 1977, с. 43—44).

«...отношения между нарт-эрстхойцами (всегда злодеями) и положительными народными героями (в данном случае это «семь братьев-нартов») всегда антагонистичные». «По рассказу, 60 нарт-эрстхойцев заслуженно погибли от семи братьев-нартов. Здесь же, вопреки повествовательной логике, с братьями жестоко расправляется Соскан-Солса, который почему-то идеализируется, хотя и является врагом добрых нартов. Выходит, что восхваляется приверженец зла и защитник кровопийц». С другой стороны, семь братьев-нартов, «которым в сюжете отведена положительная роль, в борьбе с нарт-эрстхойцами допускают, с точки зрения эпической этики, коварство: они не сражаются с врагами на поле битвы, а убивают их в собственном доме». «Известно, что по архаическим канонам героического эпоса чеченцев и ингушей нарт-эрстхойцы пьют расплавленную медь. Здесь о кипящей меди уже ни слова. Они «вместо алкогольного напитка» – «человеческую кровь должны пить» (Далгат, 1977, с. 45). Этот рассказ, вероятно, бытовал в среде самих орстхойцев, чем и вызвано, скорее всего, указанное У. Б. Далгат противоречие (интересно, что она ни разу не говорит о фольклоре орстхойцев).

Сказание «Как орстхойцы страну отвоевали», вероятно, также идет из фольклора карабулаков. «». И тогда черкесы предложили орстхойцам решить дело поединком борцов. *Рассказывают, что земли, по которым протекают реки Фартанга и Сунжа, были заняты черкесами. За эту страну (земли) с ними постоянно спорили орстхойцы. Между черкесами и орстхойцами не прекращались войны, они нападали друг на друга, уводили людей в плен, грабили. Обеим сторонам надоела эта затяжная война*

«». Могучая женщина убивает черкесского борца, сдавив его за талию. «» (Далгат, с. 395). *Черкесский борец был очень высокий и грузный человек. Ни один орстхоец не был уверен, что сможет одолеть его. Начали они выдвигать друг друга. Так, не выходя от орстхойцев борец, и вот-вот могла разгореться война. Один старик-орстхоец велел позвать свою сноху. Любой мужчина едва доходил ростом до ее подмышек Испугались, растерялись черкесы. Все встали и ушли. Так орстхойцы и отвоевали страну*

Доминирующими темами эпоса чеченцев и ингушей, по мнению У. Б. Далгат, являются:

1. Тема «набега, столкновений и состязаний (по принципу эпической антитезы) нарт-орстхойских героев с местными героями».
2. Тема богоборчества (вряд ли можно считать враждебное отношение нартов к вайнахским божествам богоборчеством. – М. Дж.).
3. Тема благодати.
4. Тема гибели нартов (Далгат, с. 116).

«Тема набега пронизывает многие сказания как об отдельных героях, так и группах героев (нарт-орстхойцев либо нартов). Нарт-орстхойцы – не хлебопашцы и не скотоводы, они постоянно охотятся либо совершают набеги» (Далгат, с. 116).

Но это не совсем так. Например, Селий Пирья, брат Сеска Солсы, уходит в Эл (подземный мир) и приносит оттуда водяную мельницу (до этого люди имели только ручные мельницы), т. е. выступает в роли культурного героя. За речкой Ярхсу лежат два громадных камня – жернова нартской мельницы (Далгат, с. 302). На высоком кургане северо-восточнее Шир-Юрта жил нарт-эрстхоец Гепак. «». «». Его младшего брата звали Венаг, и некогда на холме стояла его башня. «». *Существует высокий каменный забор, который, рассказывают, воздвиг он Гепак выращивал много зерна Нарт Амир имел много скота. Его он пас на Аккинской горе, и сам жил на ней*

Не чужды поздним нартам и обычные человеческие чувства. «». «». «». «» (Далгат, с. 288—289). «» (Далгат, с. 295). Один из нартов спасает человека, которого преследовали кровники, от огромных змей; накормив беглеца их мясом, нарт превращает его в богатыря (Далгат, с. 355). *Повыше Саясана, между хуторами Алерой и Турты, в горах жили нарт Теча и его возлюбленная Цай Теча жил на высоком склоне Рагний ургаи», «Цай жила на Джамби-ирзе Теча и Цай были нартами. Они очень любили друг друга Однажды вечером Теча на своем склоне заиграл на дечиг-пандуре, напевая красивые мелодии. Он пел и играл так, чтобы слышала Цай». «Она так заслушалась мелодией, которую наигрывал на пандуре ее возлюбленный, и мысли ее так рассеялись, что она сдаивала молоко от десяти коров на землю У одного из орхустоевцев умерла мать. Сильно горевал он по матери*

Но отрицательное и даже пренебрежительное отношение к нартам (в чем, видимо, отражается постепенное ослабление карабулаков-орстхойцев) в вайнахском эпосе проглядывает даже в тех текстах, где о них ничего плохого не сказано. В следующем тексте говорится о нарте, необыкновенном силаче, поселившемся в каком-то богатом ауле и женатом на красавице. «». Любovníки попытались убить нарта, но тот, с помощью малолетнего сына, справился с женой, князем и его узденями, а затем отправился бродить по свету и встретил другого нарта, по имени Али; далее следует его рассказ на мотив Полифема (Далгат, с. 268—270). *Польстился на нее аульный князь, да и красавица его полюбила. И говорит ей князь: «Что тебе за охота жить с нартовским отродьем?»*

Главный герой

Сложные взаимоотношения местных героев и нартов в сказаниях чеченцев и ингушей охарактеризованы довольно отчетливо, поскольку все персонажи принадлежат к одному из двух противоборствующих лагерей: нарты олицетворяют зло, местные герои – добро. Главным героем нарт-орстхойцев и их предводителем является Соска Солса. О нем сказано: «». «» (Далгат, с. 273). «(медь. – М. Дж.)» (Далгат, с. 328). *Давным-давно жил человек Солса Солса был весьма умный и честный человек; он родился не от обыкновенной женщины, а прямо произошел от бога Очень гордый был расплавленное чаа пьющий Сеска Солса, бывший из нарт-орстхойцев*

В одном из сказаний Сеска Солса выступает в роли свидетеля поединка великанов (вампалов), причем проявляет вероломство. Некий великан, поджидая соперника, который должен проехать по этой дороге с его похищенной невестой, просит Солсу помочь ему: «». «—». *Теперь мы начнем драться. Если я его осилю, на моей спине между лопатками появятся изображения солнца и месяца. Только не спрашивай меня, что это такое. Если ты спросишь, я тут же умру Не буду спрашивать, обещал Солса*

Знакомый Солсе великан победил. Но нарт думает: « Если бы умер и этот вампал, женщина досталась бы мне». Сеска Солса спросил вампала:

– *Что это за изображения появились на твоей спине?*

». Но, встав носками на луку седла и протянув вверх рукоять плети, Солса не достал великанше даже до пояса, и она отказалась стать его женой (Далгат, с. 277—278). – *Почему ты совершил такую подлость? – воскликнул вампал и тут же умер*

«Этот эпизод вызывает отрицательное отношение к Солсе и объективно способствует отрицательной характеристике нарт-орстхойцев» (Далгат, с. 416). Как это соотносится с концепцией самой У. Б. Далгат, согласно которой образы нартов восходят к предполагаемому «пракавказскому» эпосу о великанах, неясно; во всяком случае, сказитель явно сочувствует чудищу, который выглядит более человечным, чем нарт.

Чуть ли не в половине вайнахских сказаний осуждается и образ жизни, который вели нарт-орстхойцы. Когда Соска Солса спрашивает Батоко Шертуко, во что он оценивает его ружье, тот отвечает: «». « Я оцениваю твое ружье ценой проса, помещающегося в дуле твоего ружья! Коня моего во что ты оцениваешь?» – спросил Соска Солса у Батоко Шертуко. «Твоего коня я оцениваю в корову!» – ответил Батоко Шертуко. «Как же ты так оцениваешь, когда мне за него давали пленника», – возразил Соска Солса. «Почему я оцениваю твоего коня в корову, я объясню тебе: корова имеет вымя и четыре соска и выкармливает (ими) четырех человек. Неужели твой конь стоит больше четырех человек, выкормленных коровой?».

». Батоко Шертуко заминается, и герой говорит ему, чтобы он отвечал без боязни. «». Ответ был понят Соска Солсой, когда он лежал бурной ночью на пастушеском стане, окруженном волчьей стаей. Волков отгоняла только старая собака, а он боялся высунуть голову из-под бурки. По другому варианту, ответ Батыга Шертги был иным: «» (Далгат, с. 297—298). «Во что ты меня оцениваешь?», – спросил Соска Солса Ты стоишь хорошей собаки», – сказал Батоко Шертуко Я тебя не сравню с последним человеком, так как ты против бога войну вел

На вопрос Б. Далгата, «» (Далгат, с. 287). *был ли Соска Солса народным героем и приносил ли он пользу народу, сказитель Газбык ответил, что он помогал только своим оритхоям, своим близким, но всему народу не был полезен. Вообще все оритхой грабили и обижали других людей*

Интересны характеристики персонажей в сказании «Сеска Солса и Бятар». « Говорят, жил когда-то молодец по имени Бятар. Кроме старой матери, никого не было у него. Бятар кормил мать и себя, да так и жил. Пахота его длинной была, широко косила коса, пас он

своих овец и коров – и так проходили день за днем в работе. А к ночи, чуть наступит темнота, он играл на пандьбре, развлекая своей игрой себя и мать. Он сторонился коварства, подлости и мирно жил своим трудом. Если где понадобится, то мог он показать и искусство боя, но никогда в войне источника богатства не искал. За ум и мужество, за силу и добрые мысли его уважали люди.

“Это взгляд вайнахских сказителей не только на двух персонажей, но и на самих вейнахов и противостоящих им нарт-орстхойцев. В то время жил и человек по имени Сеска Солса. Он имел дружину и крепок был силой и мужеством. Поэтому люди его называли «Сеска Солса из ковanej стали». И слава та о нем пошла потому, что он вместе со своими всадниками всегда воевал и совершал подвиги. „Бятар и Сеска Солса не знали друг друга. Сеска Солса всегда был победителем, любые преграды он преодолевал и, уверовав в свою силу, однажды спросил своего семиаршинного и всеведующего коня:

–». Есть ли человек на свете сильнее меня, мужественнее меня?

Конь ответил, что есть на свете молодец по имени Бятар: «». Не скажу, что у него больше, чем у тебя, силы и мужества, но не слабее он тебя

Огорченный таким ответом, нарт нашел Бятара, они отправились к Элде, владыке мертвых, чтобы узнать, кто из них сильнее и мужественнее. Путь им преградила Ешп, страшное чудовище, сидевшее при входе. Разгневанный Сеска Солса ударил его мечом, но не срезал и волоска. Бятар поступил разумнее; он пообещал женоподобному чудовищу принести оттуда что-нибудь хорошее, и при этом отпустил ему пару комплиментов. Так они вошли в Эл, темное и холодное царство мертвых, встречая по дороге души усопших.

«». Разумеется, более мужественным, умным, сильным и благородным оказался Бятар. «» (Далгат, с. 304—309). К ним стали подходить души, проклинали Сеска Солсу. Все они были кто без рук, кто без ног, кто без головы, либо с изрубленными, изрешеченными телами, и все они не забыли ничего дурного, что он сделал им. Эти души угрожали ему расправой, после смерти, когда он спустится в подземный мир. А путники все шли и шли. Теперь к ним подходили другие души – тех, которым Бятар помог при их жизни и сделал добро. Все они благодарили его за это. Хотя Бятар и победил в споре, Сеска Солса, черной зависти в сердце не тая, заключил с ним дружбу. А затем свою от красоты умирающую сестру за Бятара выдал и тем родство скрепил с ним

В вайнахских сказаниях, в отличие от адыгского и абхазского эпосов, свои, народные герои сталкиваются с героями нарт-орстхойскими (чаще всего с нартом Сеска Солсой) в прямом противоборстве. По совету хитроумного Ботоко Ширтги нарты решили угнать громадное стадо могучего пастуха-богатыря Колой Канта, жившего в пещере. Но Ботоко Ширтга предупреждает Соска Солсу, что с ним он не сладит. Орхустоец же уверен в своих силах – как это он, не имеющий соперников, не сладит с каким-то пастухом? Нарты с трудом отодвигают камень, стоявший у входа в пещеру и вступают в драку с любимым козлом Колой Канта, говорившим по-человечески. Затем на богатыря кидаются 60 орхустойцев во главе с Соска Солсой. «». Колой Кант размахнул свои плечи и ударил всех орхустойцев о стену пещеры, а Солсе дал такую пощечину, что тот закружился, как кубарь. Они ушли от Колой Канта чуть живыми

Тогда, по совету того же Ботоко Ширтги, Соска Солса пошел на хитрость – он велел своей сестре соблазнить могучего пастуха, чтобы он лишился своей силы. Ей удалось добиться этого, и через некоторое время богатырь ослабел до такой степени, что уже не мог плотно прикрывать вход в пещеру. Застав Колой Канта спящим на коленях у сестры Солсы, орхустойцы связали его арканом. «» и сестра Соска Солсы дала ему бедренную кость. Орхустойцы зарезали его любимого козла для шашлыка. Колой Кант попросил у них, чтобы ему дали какую-нибудь кость его козла

«». Поняв, что случилось какое-то несчастье, ее муж и деверь «». «». «» (Далгат, с. 311—314). Колой Кант сделал из нее зурну и заиграл на ней жалобно. Звук этот был услышан

женой старшего брата Колой Канта помчались в ту сторону, где жили орхустойцы, предчувствуя, что брата их, вместе с барантой, угнали орхустойцы. Они уже догоняли орхустойцев между Джераховским и Дарьяльским ущельями, но бог, предвидя, что если братья Колой Канта догонят орхустойцев, то прольется человеческая кровь, провел для устранения кровопролития реку Терек так, что на правом берегу остался Колой Кант с братьями и сестрой Солсы и с половиной баранты, а на левом – орхустойцы с остальной половиной баранты. Колой Канта как бы в калым за сестру Солсы. С тех пор его никто не трогал и не покушался угнать его баранту.

Полагая, что орстхойцы изначально являлись вайнахским племенем (которое почему-то воевало только со своими сородичами), нартоведы не обращали внимания на сведения, которые содержатся в эпосе. Все симпатии сказителей безраздельно принадлежат местным героям; мужество и сила нартов признаются, но они служат злу. Карабулаки были для вайнахов чужим племенем, в борьбе с которым они обретали сознание этнического единства, вступая в героический период своей истории. Победа чеченцев и ингушей над нарт-орстхойцами и ознаменовала самое начало этого периода.

Нарты и благодать

«Пожалуй, самыми характерными качествами всех нарт-орстхойцев вообще являются их гордость и непреклонность перед богами» (чужими, вайнахскими. – М. Дж.). «Нарт-орстхойцы довольно свободно обращаются и с могущественным богом грома и молнии Сели, которому в Ингушетии посвящены многие святилища» (Далгат, с. 118).

На сказании, которое имеет в виду У. Б. Далгат, стоит остановиться подробнее. «». Проходившая мимо вдова говорит им, что за семью горами пасется громадное стадо Горжая, на которое они еще не нападали, и нарты отправляются в набег. Соска Солса говорит, однако, что Горжаю надо дать знать о том, что они собираются напасть на его стадо. Но Горжай отвечает их посланцу: «». *Сидели орхустойцы; между ними находился Соска Солса. Они рассуждали: «Есть ли такой край, где (бы) они не были и не грабили? Как они могут напасть на стадо, из которого посвящают богу жертвы? Это будет с их стороны святотатством! Я тебе не верю*

Тогда нарты подговаривают его невестку сказать благочестивому богачу, что они совершили над ней насилие, но Горжай снова отвечает, что такого не могло быть: «». Невестка сказала нартам, что есть только одно средство подвигнуть Горжая на сражение – убить его любимую птицу. Ее убивает нарт по имени . Горжай поднял тревогу и обратился за помощью «». *Как могут напасть на мое стадо, которое я посвятил с благодарностью своему создателю – богу и высоким святым Орузби к богу и великим святым*

«» (Далгат, с. 310—311). *Его мольба была услышана Сели (богом-громовержцем). Потом поднялась буря, гроза, и все жители погнались за орхустойцами. Те из орхустойцев, которые стреляли лучше, шли последними. „Надо идти потише, пусть догоняет Сели, я пожму бока этому святому!“ – сказал Соска Солса. Действительно, их догнал Сели, и Соска Солса схватил святого и поломал ему ребра. Буря и гроза утихли. Святой перестал преследовать орхустойцев, и небо очистилось. Когда стало светло, орхустойцы позволили Горжаю догнать их. Соска Солса схватил Горжая, связал его и посадил на лошадь лицом к хвосту, потом пустил в поле на смех людям. Орхустойцы возвратились со стадом Горжая домой*

«Сказание любопытно не только тем, что божество, попавшее в эпос, не вызывает священного трепета и предстает в сниженном, бурлескном виде. Здесь, кроме того, умаляется и сама идея божественной власти. Ведь нравственная концепция такого праведника и боголюбца, как Горжай, оказывается совершенно поверженной» (Далгат, с. 118).

На наш взгляд, сказание любопытно другим – тем, что показывает нарт-орстхойцев глазами их самих. И, разумеется, ни о каком богоборчестве не может быть и речи. Громовержец Сели, которому поклонялись вайнахи и к помощи которого зывал благочестивый Горжай, для нарт-орстхойцев не является своим божеством, потому его и сокрушает Соска Солса.

Никакой идеологии нет ни у нарт-орстхойцев, ни у местных героев; вайнахский эпос представляет собой художественно-мифологическое повествование о затяжном этническом конфликте, разгоревшемся из-за права владеть плоскостными землями. Сведений о религии нарт-орстхойцев в эпосе очень мало – лишь один короткий текст, скорее всего, поздний. « *Когда-то нарт-эртхойцы жили и у нас. Здесь, в ауле Энгеной, жили два брата Юртус и Иса. Они были выходцы из Малхесты, признавали единого бога Аллаха. Отсюда виден высокий берег реки Акташ. На том берегу жили злые нартты «керисти» (неверные, христиане), и они ели свинину. Юртус был сильный нарт. Мог он далеко бросать большие камни. Он сказал не признававшим единого бога нартам: «Перестаньте есть свинину или уходите с нашей земли». Злые нартты не послушались.*

» (Далгат, с. 343—344). *Тогда Юртус бросил из Энгеноя вон на тот высокий берег свою секиру (это расстояние километров в восемь). Злые нартты испугались, сбросили свиней с высоко*

кого берега вниз и покинули нашу страну. И до сих пор на том месте под обрывом, где упали жирные свиньи нартов, не растет трава

Показательно, что исчезновение земной благодати связано в вайнахском эпосе с появлением нартов (а также, в целом цикле сказаний, и с их гибелью). «». Некая женщина накормила Хамчи Патрижа и других гостей-нартов сытным хлебом, испеченным из муки, смолотой до его рождения. Узнав об этом, нарт хотел убить себя, но хозяйка удержала его: «». По другому варианту, Патриж умер от досады (Далгат, с. 301). *Хамчи Патриж родился на несчастье человечества. Пока он не родился на свет, если брали землю в руки и давили ее, из нее текло масло. До того хорошо было жить до него». Он же, родившись, принес с собой несчастье всему человечеству Все равно теперь не изменишь этого, хоть бы ты и умер – это воля божья*

Еще в одном сказании орстхойцев (не узнав их) угощает благодатной пищей старая вдова Жербаба: «». «» (Далгат, с. 329—330). Напомним, что и по адыгскому эпосу, благодать исчезла после рождения нарта Сосруко. *Эта мука и мясо у меня от того времени, когда на свет еще не появились Сеска Солса и 60 орстхойцев. Чтобы их род вывелся! Они, чтобы род их вывелся, забрали всю благодать Услышав этот разговор, Сеска Солса и 60 орстхойцев, говорят, остались с разбитыми сердцами*

Более подробно об исчезновении благодати говорится в другом тексте. «» (Далгат, с. 330). *В то старое время весь мир был благодатным. Во вселенной не знали, что такое дуновение ветра. С неба свисала нитка, на конце которой были лоскутки. Они никогда не шевелились. Да и могли ли они без ветра колыхаться? Люди жили в спокойствии и благодати. Посеянное, хранимое, как и принесенное, – все было изобильным. В то самое время в нашем краю появились нарт-орстхойцы во главе с Сеска Солсой*

«». *Со своими 60 нарт-орстхойцами он разорял села, совершал насилия над людьми. С появлением нарт-орстхойцев во вселенной появилось зло и задули ветры. Они уносили уложенное на горных холмах зерно, разносили скошенное сено. Посевы зерна стали малоурожайными; овцы и скот хирели. Все, создаваемое трудом человека, становилось не благодатным. В один из дней в большое село прибыл Сеска Солса со своими всадниками, чтобы людей ограбить, а оказавших сопротивление – убить*

Село было большим, поэтому, разделившись на группы, нарты решили сказать сельчанам, что приехали к ним в поисках пристанища. «Одну из таких групп приняла старая Жербаба, которая поведала им, что благодать исчезла с появлением нартов. «» (Далгат, с. 331). *После этого мы выкрадем из жилищ оружие и тогда возьмем село без ущерба для себя». Я и есть Сеска Солса, – сказал он Жербабе и ушел со своими орстхойцами не только из села, но и из того края. С тех пор их никто больше не видел*

В другом варианте сказано: «». Угостив этих братьев, некая бедная вдова поведала им, кто является виновником исчезновения благодати, добавил: «». «». Опечаленные братья решили умереть. Они объявили об этом всему селу и завещали похоронить их в одной могиле, воздвигнув над ней курган из камней. «». «» (Далгат, с. 332—333). *В прежние времена аул Ялхой-Мохк против нынешнего был гораздо больше. В нем жили семь братьев богатырей, отличавшихся силой и и молодечеством. Все их очень боялись, так как они мужчин убивали, а женщин подвергали насилию Дай бог погибнуть всем нынешним богатырям! С тех пор, как эти люди появились на свет, все в мире стало оскудевать И еще раз сказала: «Пусть будет проклято народившееся племя богатырей! После этих распоряжений братья расплавили в огромном котле красную медь и начали пить ее из огромных чашек После смерти братьев народ исполнил их завещание*

В кратком варианте сказания говорится: «» (вряд ли подобное говорилось бы, если бы под нарт-эрстхойцами подразумевалось одно из вайнахских племен). «» *В детстве я слышал от отцов своих, что в давным-давно прошедшие времена, в краю, где мы сейчас живем, находилось большое село нарт-эрстхойцев Среди нарт-эрстхойцев жили семь братьев и одна сестра.*

Все они были одинаковой силы и доблести. Все это происходило еще до наших семи предков, когда люди переселялись из Наихи в Ялхой-Мохк .

«» (Далгат, с. 341). Семеро братьев-нартов обладали невероятной силой. Жители Ялхой-Мохка не могли поэтому ничем противопоставить братьям, притеснявшим людей. Тогда люди сговорились хитростью одолеть нартов. Когда семеро братьев, и их сестра улеглись спать в своем доме, люди подождали, пока они уснут, украдкой пробрались в дом и свалили большую опору, стоявшую посреди дома. Кровля обрушилась, и под ней были погребены нарт-эрстхойцы». «Когда погибли семеро братьев и их сестра, говорят, отсюда ушли и все другие нарт-эрстхойцы

Показательно, что в этом сказании, как и во многих других, «людьми» именуется только вайнахи, но не нарт-орстхойцы, что ясно говорит о чужеродном происхождении карабулаков. О гибели нарт-орстхойцев говорится и во многих других сказаниях, но в некоторых сказано, что их обрекли на гибель божества. «». Но в других сказаниях говорится, что они жили в крепостях и приводятся имена царя нарт-эрстхойцев () или их могущественных владетелей, имевших свои дружины – . *Нарт-орстхойцы не гнушались плохих поступков. Свои неблагоприятные дела они не считали позором. Собирая шайки, они нападали на людей, насильничали, пленяли в рабство. Вот так они и вели себя Наураз Козаи, Германчи*

« (верховные божества вайнахов. – М. Дж.) » (Далгат, с. 335). Поэтому Дяла и Села уничтожили их. Однажды, когда нарт-орстхойцы, собравшись в шайку, пошли на свои злые дела, под ними разверзлась земля, и они там так и остались, не сумев выбраться на поверхность. Когда кончились у нартов еда и питье, они съели своих лошадей. Тогда, говорят, Сеска Солса сказал: «Чтобы люди не говорили, что у нарт-орстхойцев опухли ноги и головы и они умерли с голода, умрем достойно, выпив расплавленную медь. Согласились с этими словами орстхойцы и выпили каждый по чаше расплавленной меди. Сеска Солса выпил сразу три чаши. Орстхойцы, выпившие медь, сразу умерли

Наше мнение о том, что орстхойцы-карабулаки не являлись вайнахским племенем, подтверждается и в другом варианте сказания, одном из самых интересных. Показательно, что один вид нартов внушает людям страх: «». *Жила в Ичкерии сирая вдова, лишившаяся двух сыновей, убитых нартами. Сидя в землянке, старуха вспоминала о своем несчастье и горько плакала. Стенания ее были прерваны раздавшимся во дворе шумом. Выйдя из землянки, она к ужасу своему увидела семерых нартов и готова была бежать, когда один из них задержал ее и попросил накормить их*

Отведав благодатной пищи, нарты спросили ее, что это за чудо. В большинстве вариантов хозяйка почему-то не знает, кто перед ней. В этом тексте старуха говорит без обиняков: «(выделено нами. – М. Дж.) ». *До нашего нашествия нартов на Ичкеррию страна благоденствовала: хлеба, молока и масла было в изобилии. Дети наши росли и хорошели на радость наших старых лет. С появлением нартов все изменилось, видно бог наказал нас за грехи наши нашим нашествием. Урожаев не стало, коровы не дают молока, благодать, как река в море, утекла из Ичкерии. Глядя на детей наших, мы выплакиваем глаза и ускоряем печальные дни нашей жизни. Нарты убивают мужчин, а дочерей уводят к себе для бесчестья. Да будут прокляты нечестивые нарты со своим семенем; уж лучше бы бог наслал на нас моровую язву и истребил бы всех! Мясо и мука, вам поданные, сбережены еще с того благодатного времени, когда мы не ведали о нартах*

Как можно было не замечать, что в этих высказываниях речь идет об иноязычном племени, понять трудно. Почему сказано о времени, когда вайнахи не ведали о нартах? И разве могли нарт-орстхойцы, будучи вайнахами, совершить нашествие на Ичкеррию?

Но особенно интересно окончание сказания. «» (Далгат, с. 337). *Услышав этот рассказ, нарты устыдились того, что они служат карой для народа, что они даже природу разгневали своими беззакониями. Раскаяние овладело их жестокими сердцами. Они сделались названными*

сыновьями старухи, обстроились жилищами вокруг ее землянки и, поженившись на невестах, ею избранных, слились с чеченцами. Некоторые, изменяя этот рассказ, говорят, что нарты после чудного обеда вместо браги (нихи) растопили красную медь, выпили и погибли

На наш взгляд, речь идет о смешении части карабулаков с чеченцами, в результате чего появились современные орстхойцы.

Война с нартами

Целый ряд сказаний посвящен описанию борьбы и победы вейнахов над нартами. «». *Давным-давно жил в Козашке нарт Козаш. Он был очень гордый и сильный человек. Его бурка была сделана из бород и усов известных мужчин. Отправляясь в гости или на войну, Козаш накидывал эту бурку. От берегов Терека до Сунжи вся долина Гарман принадлежала ему. На Ачамза-кургане жил нарт Ачамза, на Германча-кургане – Германча. Они оба тоже были сильные, но им далеко было Козаша. Они не давали горным людям ни выйти из гор, ни распахивать землю*

Способна ли была одна из вайнахских родоплеменных групп, заняв равнину, не допускать на нее всех остальных вайнахов? Да и зачем ей это было бы нужно? Если бы орстхойцы-карабулаки являлись чеченским или ингушским племенем, то, скорее всего, они выглядели бы авангардом вайнахов, стремившихся переселиться на плоскость и ведущих войну с ее обитателями. Но все наоборот: как раз орстхойцы и не пускают на равнину чеченцев и ингушей, вынужденных вести с ними затяжную войну.

«». *Однажды, ведя за собой горных людей, гарцуя на вскормленном жеребце по просторам Гарманской долины, вспугивая диких зверей из лука, деля между своими людьми земли этой страны, Нясар пришел к истоку (речки) Нясаре. Там на берегу он построил укрепление. Дошел слух и до Козаша, что Нясар отобрал у него край и в том крае поселил людей гор, а у истоков реки Нясар сделал себе укрепление. Грозный, расшвирипевший Козаш, собрав свое войско, выехал, чтобы убить Нясара, горных людей истребить, плоскость Гарман снова возвратит себе*

Но встреча Козаша и Нясара в поединке заканчивается гибелью Козаша. Услышав об этом, нарты Ачамза и Германча ушли из долины (Далгат, с. 388—389). Показательно, что все три нарта носят тюркские имена: Козаш, Ачамза, Германча (см. ниже).

Чужеродным для вайнахов племенем считал нарт-орстхойцев известный этнограф В. П. Кобычев, в 1969—1970 гг. занимавшийся сбором полевого материала в Ингушетии. «Почти во всех преданиях, связанных с основанием селений, происхождением фамилий и тайп, говорится о том, что ингуши были отнюдь не первыми обитателями занимаемой ими в настоящее время территории». В числе первых ее насельников упоминаются и нарт-эрстхойцы. «По сведениям, сообщаемым первым ингушским этнографом Чахом Ахриевым, нарты жили за двадцать поколений до ингушей». Земля в те времена была изобильной, но с появлением нартов это обилие исчезло.

«В связи с этим в ряде сказаний орстхойцы именуется не иначе как „нартским отродьем“, „врагами людей“. Очевидно, под давлением пришельцев предки ингушей были вынуждены переселиться с плодородной равнины в скудные и суровые горы. Со временем орстхойцы, по-видимому, слились с вайнахами». «По материалам С. Ч. Эльмурзаева, род карабулаков насчитывает 14 поколений, по нашим данным – 13 поколений»; по мнению В. П. Кобычева, эти сведения можно расценить «как указание на примерную давность окончательной ассимиляции орстхойцев-чужеродцев вайнахским этносом». «Однако и войдя в состав вайнахов, карабулаки-орстхойцы долгое время еще сохраняли свои эпические черты – большую подвижность быта, воинственность и враждебное отношение к ингушам, своим ближайшим соседям» (со ссылкой на С. Броневского).

«Крепким народом», – пишет В. П. Кобычев, – признают карабулаков-орстхойцев и наши информаторы. По сообщению жителя селения Алкун Оппиева Хасана (83 года), когда карабулакам удавалось захватить в горах ингуша, у него отбирали все, что было, а с самим поступали следующим образом. В рукава одежды просовывали длинную палку, к концам которой привязывали кисти рук. После этого его отпускали домой. Распятым таким образом ингуш

для того, чтобы пойти по горным тропам, должен был поневоле выделять различные смешные движения и приседания. У карабулаков это называлось «ингушским танцем». «Указанная выше локализация нартов в Санибском ущелье Северной Осетии и некоторые другие данные, – заключает В. П. Кобычев, – позволяют поздних нарт-орстхойцев увязать с раннесредневековыми аланами и их потомками – осетинами, в той степени, конечно, в какой последние ими являются» (Кобычев, с. 26—29).

Согласиться с выводом В. П. Кобычева, по многим причинам, трудно, несмотря на его оговорку. Согласно канонической версии истории, осетины и вайнахи являются соседями вот уже на протяжении не менее 2000 лет. Однако чеченцы и ингуши почему-то не именуют осетин ни аланами, ни асами; не могли они называть их и нарт-орстхойцами или карабулаками. Каким образом раннесредневековые аланы «и их потомки осетины», являясь давними и ближайшими соседями вайнахов, могли превратиться в их фольклоре в орстхойцев, понять невозможно

Описанию тяжелой войны ингушей и чеченцев с карабулаками и победы первых посвящена чуть ли не половина вайнахских сказаний. «». «». *Говорят, что нарт-эрстхойцы жили в Большой Чечне, над Тереком и в Ингушетии. Нарт-эрстхойцы жили также вокруг Ножсай-Юрта. Говорят, что царем – тамадой нарт-эрстхойцев, которые жили там, был Наураз. Недалеко от Ножсай-Юрта, на горном хребте, есть место, где, якобы, была крепость, в которой жил Наураз. За крепостью тянется гора „Коновязь Геры“. Там жил нарт-эрстхоец Гера*

«». В те времена в Цонтарой пришли в поисках земли чеченцы из аула Нашха и там «». «» (Далгат, с. 340). *Место, где жил нарт-эрстхоец Гяла, называется „Гяла-памятник“ (т. е. надгробный памятник Гялы) сговорились отнять у нарт-эрстхойцев землю, чтобы жить на ней. Сперва чеченцы мирно просили землю. Нарт-эрстхойцы не отдали ее. Тогда чеченцы сказали: „Мы ничего вам не сделаем, если в течение семи дней вы уйдете отсюда. Если же к этому времени вы не отдадите нам землю, мы пойдем на вас войной“. Когда в назначенный срок царь Наураз и его товарищи не ушли, чеченцы приготовились пойти войной на них. На восьмой день на всех прилегающих хребтах и склонах гор чеченцы, привязав осоку к концам длинных жердей, зажгли ее и начали наступление на Ножсай-Юрт. Когда Наураз увидел все горы в огне, он испугался и, говорят, вместе со своим войском удрал за Терек, не оказав никакого сопротивления*

Сказанное дополняется в другом тексте. «». «» (Далгат, с. 341). *Когда с горных высот вайнахи пошли войной на царя нартов Наураза и уже достигли его, он оттуда (где была крепость) забрал свою золотую казну и унес ее на восток, за речку Ямсу, где нарты и спрятали ее на одном из горных хребтов. Он надеялся при удобном случае вернуться и забрать ее оттуда. Однако Наураз и его воины, разгромленные и разогнанные чеченцами, никогда больше не возвращались*

«Предание сухо излагает эпические факты, но представляет немалый интерес со стороны топонимических указаний мест, где жили некогда чеченцы и нарты. По рассказу выходит, что они жили рядом, но чеченцы отвоевывали у них землю. Здесь примечательно указание на то, что свои „походы“ за землю чеченцы начинают из страны Нашха, легендарной прародины чеченцев. Из предания следует, что нарты – это не чеченцы» (Далгат, 436). Об этом и речь. Кроме того, стоит отметить, что в сказаниях и преданиях вайнахо нигде не говорится, что у чеченцев или у ингушей был царь – только о нарт-орстхойцах; следовательно, и общественный строй у них был другим.

«». По совету мудрой Жербабы жеребца трое суток кормили жареным просом, не давая ему воды, а потом выпустили. Мучимый жаждой, конь копытом стал рыть землю в том месте, где в крепость по трубам шла вода. Воду перекрыли и нарты стали слабеть. «» (Далгат, с. 342). *В Курчалоевском районе возле Ангель-аула есть местечко Герменчик, обнесенное оврагом, и с ямой посередине. Рассказывают, что в этом месте жили нарты. Между людьми и нартами возникали раздоры и войны. Когда люди стали размножаться, нарты укрепили свой*

круг, засели в укреплении. Люди никак не могли в него проникнуть Тогда люди и истребили их. На том месте, где жили нарты, люди нашли много золота, серебра, детские колыбельки и другие вещи

Второй вариант сказания, полностью повторяя сюжет, более подробен. «» и провели туда воду. Далее следует тот же рассказ о жеребце. «». *Между Энгель-аулом и Азамат-Юртом есть курган, носящий название Яшарт. Там и в местности, которая называется Герменчуг, говорят, жили нарты. Раньше нарты издевались над людьми, но постепенно люди стали притеснять их. Люди не давали житья нартам, живущим на Яшарт-кургане, и они пошли жить к герменчугским нартам. Чтобы укрыться, нарты спустились внутрь укрепления Герменчуг Человек, следивший за тем, что делает жеребец, наклонился к воде и обрадованный произнес: «Ой, Кошкельды*

(Примечание сказителя: «По-кумыцки „Хошгельды“ означает: „да будет счастливым твой приход“. На этом месте, говорят, основано село Кошкельды, где и ныне живут люди»). Когда воду закрыли, нарты стали испытывать жажду. «». (Примечание сказителя: «Много времени спустя там находили оружие, которое они носили, их посуду и другие вещи»). «» (Далгат, с. 342—343). *Затем наступил голод, и они все погибли, не осмеливаясь выйти оттуда Некоторые же говорят, что нарты поднялись и тайно ушли куда-то далеко отсюда*

Некогда грозное племя, часто беспокоившее вайнахов своими набегами, в конце концов, было разгромлено ими и перестало быть источником постоянной опасности. В сказании «60 орхустойцев и Цазик» нарты уже являются предметом насмешек некоего Цазика, который водит их за нос, а потом, уверив, что Мать вод награждает всех, кто является к ней, заставляет нартов броситься в море. «», а их жены разбрелись в разные стороны (Далгат, с. 359). Точно так же дурачит нарт-орстхойцев трусишка Куллуби, как и некий старик-бедняк. *Таким образом все они и потонули*

В некоторых сказаниях нарты фигурируют уже в качестве защитников вайнахов. «» (Далгат, с. 378). *Ингушский Лоаман Ха, Нарт Нясар и Нарт Орстхо – все трое, сговорившись между собой, в то время несли там караул, охраняя покой горных людей. Говорят, что этот курган они и возвели. Обнаружив шайку, они отбивали награбленное ею, бродячему не давали прохода, сами брали набегами добычу, так и жили*

« (местность. – М. Дж.) ». «». Красавица Альбика даже именуется Сеску Солсу «» (Далгат, с. 322; с. 323; с. 321). Есть и вариант, в котором Солса взывает о помощи «к верховному богу Дяла и богу грома и молнии Села, обратясь к ним со словами: «» (Далгат, с. 427). *В древние времена Пхагал Бяри, Колой Кант и Сеска Солса охраняли Галгай Коашке от набегавших снизу врагов Пхагал Бяри, Колоевский молодец и Солса, сын Сески, были побратимы. Раз, когда Солса, сын Сески, был захвачен, побратимы отбили его головой страны галгаев Дяла и Села, не дайте мне попасть в руки Колой Канта!*

Таким образом, вайнахский эпос замечательно последовательно показывает эволюцию представлений о нарт-орстхойцах: великаны-людоеды – смелые и сильные воины-иноплеменники, насильники и грабители – побежденное и осмеянное племя – часть вайнахского этноса.

Карабулаки

Но что за народ изначально были карабулаки и на каком языке говорили? Начнем с тюркского этнонима – , якобы означающего «черные ключи». Слово в тюркских языках имеет два десятка значений, в том числе «большой, великий», но основным является «черный». Вне всякого сомнения, тем районом, в котором карачаево-балкарцы сложились как этнос, является Прикубанье. означает «большая река», букв. «черная река» – Кубань, в верховьях именуемая , с тем же значением – «большая река»; значение этнонима таким образом, – «кубанец». Но и полное название Черекского ущелья – «Большая Балкария», букв. «Черный Малкар». Этноним восходит к другому тюркскому названию Кубани – «большая река»: , следовательно, также означает «кубанец». *карабулак къара Къара-чай Уллу-Кам къарачайлы, Къара Малкъар Къарабалыкъ къарабалыкъар*

В том же ряду находится и этноним . Рядом с карабулаками обитало другое тюркское племя – , еще одна часть аланского (карачаево-балкарского) народа; кстати говоря, в состав России дигорцы вошли вместе с балкарцами, в 1827 г., а не с осетинами (в 1784 г.), частью которых они являются ныне. «М. Кашгари (XI в.) называет их тюгер». «В Шамхорском районе Азербайджана имеется селение Дюгер, а в провинции Кютахья Турции – деревня Тюгер, где проживают тюрки-дюгерцы» (Бабаев, с. 87; с. 109). В «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина (XIV в.) упоминается эпоним одного из огузских племен по имени (Рашид-ад-дин, с. 88). Но и в труде Абуль-Гази-хана «Родословная туркмен» (XVII в.) четвертого внука легендарного Огуз-Хана от его сына Ай-хана тоже зовут ; в списке 24 огузских племен значится восьмым (Абуль-гази, с. 81). *карабулак дюгер Дукер Дукер Дукер*

В «Словаре тюркских наречий» Махмуда Кашгарского присутствуют и , именуемые двенадцатым племенем огузов. То, что в столь древних трудах дюгеры и карабулаки упоминаются в составе одного союза тюркских племен, а современные карабулаки и дигорцы живут на Северном Кавказе в недалеком расстоянии друг от друга, сохраняя свои этнонимы, случайностью быть не может. *караболоки (карабюлюки)*

Приведем интересную деталь. Представители разных колен народа часто дают друг другу клички. Иногда случайные, возникшие на основе созвучий или искажения этнонимов, иногда это старые племенные названия и пр. Осетины-иронцы кличут дигорцев «черноухими» (). Никакого объяснения этой странной дразнилки нам найти не удалось. Скорее всего, балкарцы поддразнивали своих восточных соплеменников-дигорцев, рифмуя их самоназвание со словом «черноухий». Позже осетины-иронцы перевели кличку на свой язык; естественно, рифма утратилась, а потому и причина появления такой дразнилки стала непонятной. Из этого следует, что кавказские дюгеры и карабулаки, возможно, некогда являлись одним из аланских племен, разделившимся после погромов, учиненных войсками Тамерлана. *шаухуит къарабулак къаракъулак*

«В сообщении С. Броневского, относящемся к 1810 г., о карабулаках мы читаем следующее: «По преданиям, существующим между горскими народами, карабулаки в древние времена составляли сильное воинское колено, которое было уважаемо от соседей как за храбрые дела, так и за соблюдаемую в общегитии справедливость. Они были богаты скотом и от произведений земли достаточное получали пропитание. Оставалось им наслаждаться изобилием и покоем. Но возгордясь сими преимуществами, карабулаки попустились на обиды и насильства, возжигали повсюду вражду и, наконец, обратили против себя всех соседей, которые, ополчась на них, соединенными силами истребили сей буйственный народ до основания» (Далгат, с. 113).

Возможно, об этих событиях и говорится в сказании, в котором орстхойцы противопоставлены вайнахам: «». «». «» (Антология ингушского фольклора, т. 7, с. 177—178). *Орст-*

хойцы очень буйно себя вели. Из-за того, что они грабили, притесняли мирных жителей их прозвали нарт-орстхойцами. Орстхойцы грабили окрест себя живущие народы. Более чем угон скота и овец, табунов коней прибыльнее было уворовать человека. Ибо, чтобы его вернуть, родственники готовы были отдать все, что у них есть. Некая шайка пленила сына кого-то из влиятельных людей вайнахов. Когда уплатить не смогли, они убили сына того именитого человека. Разгорелась кровная месть: стали убивать подряд всех орстхойцев, где кого застигнут; орстхойцы тоже в долгу не оставались

С. Броневский пишет о карабулаках: «Суть не большое колено, живут у истоков Сунжи по сунженским рекам Шангире (Осса) и Фортате; граничат на Западе с Ингушами, на Востоке с Чеченцами. На Татарском (кумыкском. – М. Дж.) языке Карабулак значит черные ключи, однако Татары и Черкесы зовут их (сыта, медовая вода)». «Остатки Карабулаков, в числе 200 семей, находятся в зависимости Чеченцов, которые должны сами ожидать той же участи (т. е. подчиниться русским. – М. Дж.)». «Неоднократно прибегали к Российскому покровительству, прося защиты от притеснения Чеченцов, и почитаются в Российском подданстве, но по соседству с Чеченцами и Аксаевцами (кумыками. – М. Дж.) всегда терпят от них безпокойства» (Броневский, с. 167—169). *Балъсу*

– тюркский гидроним, озн. «медовая река»; вероятно, это карабулакское название одной из рек (Фортанги?); поэтому орстхойцев часто именовали По нашему мнению, карабулаки были одним из аланских племен и говорили на кар.-балк. языке, о чем свидетельствует и пере-чень имен собственных, принадлежавших нарт-орстхойцам (см. ниже). *Бал суу балсурами.*

Нашествие войск Тамерлана радикально изменило этническую карту региона; исчезло государство Алания, население которой распалось на отдельные племена, вынужденные выживать в новых условиях, действуя на свой страх и риск. Одним из них и были карабулаки, после отделения дигорцев какое-то время сильно ослабленных. Затем, в результате каких-то внутренних процессов, произошла их консолидация, что позволило им достаточно долго доминировать в плоскостной части нынешних Чечни и Ингушетии, закрывая растущему населению гор путь на равнину. Но своими непрерывными набегами карабулаки настроили против себя всех вайнахов.

Вполне вероятно, что вторичное ослабление нарт-орстхойцев (карабулаков) было вызвано, не в последнюю очередь, их междоусобицами. В одном сказании, например, говорится, что могущественный нарт Козаш был в постоянной вражде с другим нартским владельцем по имени Германч. «». *Однажды Германч вместе со своей дружиной коварно напал на Козаша. Он перебил всех: и Козаша, и всех мужчин его дома, будь то младенец или старик, прикончил даже беременных женщин. Затем он поджег все хозяйство Козаша, а у пепелища остались лишь одни женщины. Считая свое дело законченным, Германч ушел восвояси. Но род Козаша не прекратился*

Одна из его снох, находилась в это время у своих родителей в горах и там разрешилась от бремени мальчиком. Когда он вырос, то отправился к черкесам, где заслужил уважение одного из князей, который дал ему свое войско. С этим войском юноша вернулся и напал на Германча. «» (Далгат, с. 391). *Ни одного мужчины не оставил в живых, а самого Германча пленил. Связанного бросил его внук Козаша перед женщинами, которые остались на пепелище его деда. Те же закололи его большими иглами*

Разгромленное племя постепенно лишалось своей территории, на которую переселялись горцы из соседних ущелий – в первую очередь, чеченцы-аккинцы. «На протяжении всего (XVIII. – М. Дж.) столетия происходит быстрое увеличение чеченского населения на равнине и в предгорьях». «К концу XVIII в. равнина вдоль правобережья Сунжи между реками Гехи и Хулхулау была населена чрезвычайно густо и постепенно пополнялась новыми переселенцами» (История народов Северного Кавказа, т. I, с. 372). Поражение карабулаков была неиз-

бежно, и в XVIII в. они уже считались частью вайнахов, но, впридачу к вайнахскому «равнинники», сохраняя и свое название – *орстхой карабулаки*

Дальнейшая судьба карабулаков была еще трагичней. Они приняли активное участие в Русско-Кавказской войне и находились под угрозой полного уничтожения царскими войсками. А. О. Мальсагов пишет: «Орстхой – одно из чечено-ингушских племен, выселившееся в 50-х годах прошлого века в Турцию. В литературе известны под именем карабулаков. Часть оставшихся орстхойцев слилась с чеченцами, а другая – с ингушами» (Сказки и легенды ингушей и чеченцев, с. 349).

Вернуться на родину смогла только небольшая часть карабулаков. По этой причине очень мало сказаний, записанных у самих орстхойцев. Вот эти, смешавшиеся с чеченцами и ингушами карабулаки и передали им сказания о нартах.

Аланизмы

Выше мы говорили, что образы нартов и представления об их нравах в сознании адыгов отражают нравы и черты представителей их знати тюркского происхождения (черкесов и кабаров). В вайнаховском эпосе мы наблюдаем обратное явление; предания о войнах с карабулаками соединились с их сказаниями о нартах (Соска Солса, Хамчи Патарз, Батоко Ширтга и др.). Поэтому двойное именование – нарт-орстхойцы – полностью оправдано содержанием эпоса, в котором провести четкую грань между эпическим сказанием и историческим преданием, как и между нартами и карабулаками, невозможно.

В этом параграфе, наряду с лингвистическими казусами и калькированными переводами тюркских выражений, мы рассмотрим имена нарт-орстхойцев, что позволит убедиться в правомерности наших выводов. Разумеется, во многих случаях нет уверенности, что наши объяснения верны, поскольку тюркские имена подверглись сильному искажению, а языком вайнахов, к сожалению, мы не владеем. Остается надеяться, что допущенные нами ошибки будут рассмотрены и исправлены фольклористами Чечни и Ингушетии. Ряд имен, принадлежащих нартам, героям второстепенным, присутствующим только в одном тексте или просто упоминаемым, объясняется, вероятно, на почве ингушского и чеченского языков. В других национальных версиях Нартиады их нет: , (брат Солсы по отцу), (сын Гарда), (младший брат Гепака), (девушка из нартов, возлюбленная Течи), дочь Ичархо), – (отец нарта Хамчи). **Лорса Уса, Барат, Гард, Загк Кускуз, Вадал, Гепак, Венаг Теча, Цай Тахшако, Толам-Аго, Гардалой, Ичархо, Марзина (Фярг**

Мать вод, обитающая в горных ручьях; по мнению У. Б. Далгат ее имя означает «мать вод», «от «хи» – вода, «мих» – ветер, «нана» – мать (Далгат, с. 51). Принять эту этимологию не позволяет присутствие в имени слова «ветер»: неясно, покровительницей какой природной стихии была богиня – воды или ветра. Но богиня с тем же именем – является в кар-балк. мифологии покровительницей ветров и супругой бога ветра и войны (); ее именуют «мать ветра Химикки». Имя образовано от «пустота, веяние»; ср. выражение «слабое (уязвимое) место человека». **Химиххи-нана** – *Химикки Эрирея Эрера жель анасы Химикки хим, хым, хам адамны хамлы жери*

Наше мнение подтверждается и другим фактом. «Как-то раз, сообщает Б. Далгат со слов сказителя Ганыжа, Химиххинана погналась за нарт-орстхойцами, когда они возвращались с охоты, но один из них в борьбе с ней успел ее осквернить, и Химиххинана, как нечистая, не могла более преследовать их и возвратилась к себе в воду». «Показательно, что у чеченцев и ингушей Химиххинана «не возвысилась до божества, ей не поклонялись и не особенно ее боялись» (Далгат, с. 52).

И это вполне понятно: для вайнахов Химиххинана являлась чужим божеством с непонятными функциями, а потому особым почитанием не пользовалась. Стоит отметить и другой факт: в японских легендах говорится, что однажды с материка на Японские острова вторглось некое конное племя, возглавляемое воительницей . На наш взгляд, в легенде говорится о вторжении одного из тюркских племен, в ходе великого расселения тюрков из их восточноевропейской прародины (см.: Джуртубаев, 2009). *Химикку*

– главный герой и предводитель нарт-орстхойцев. Несомненно, это имя восходит к тюркскому (варианту имени нарта Сосурука); по мнению В. И. Абаева, имя кипчакско-ногайское, от «иметь хмурый вид». Но у ногайцев нет нартского эпоса, и это, во-первых, во-вторых, Сослан (Сосурук) вовсе не самый хмурый из нартов – как раз он и отличается находчивостью, смекалкой. От карачаево-балкарского имени Сосуран; означает» приречный змей». Или от «сын берега» – поскольку родился из приречного валуна. **Соска Солса (Сеска Солса, Солсан)** *Сослан суслан суу ыз уран суу ыу улан*

– имя отца нарта Солсы. От кар.-балк. () имени пастуха, чье семя оплодотворило прибрежный валун, из которого и родился герой Сосурук. Созук, как и многие другие герои карачаево-балкарских сказаний, вошел в нартский эпос из тотемических мифов, где имел образ змея. Потому и имя его – – означает «растягивающийся». **Соска (Сеска)** *Созук Созуку Созук*

– святая женщина, вынувшая зародыш Соска Солсы из камня. «Сата – дочь языческого бога Селы, который повелевает громом и молнией» (Далгат, с. 418). Однако, в одном из сказаний говорится, что Села сам желал жениться на Села-Сате. Скорее всего, это искаженное кар.-балк. именование главной героини эпоса Сатанай-бийче – «почитаемая (святая) Сатанай». В карачаево-балкарской мифологии «ясная луна» является богиней луны (). **Сели Сата** *сыйлы Сатанай Сатанай ай*

, брат Сески Солсы. «По составу имени „Селий Пирья“ – сын Селы (бога грома и молнии)», по мнению У. Б. Далгат, форма слова «фараон», что подтверждается ингушским мифом о вражде Пирья с богом из-за престола; в основе мифа – библейский сюжет (фараон, вообразивший себя богом, потопление войска Пирья волнами моря) – (Далгат, с. 423). **Селий Пирья** *Пирья пиргъаун*

имя того же Соска Солсы, встречается в одном из ингушских сказаний. Вероятно, кабардинская форма каачаево-балкарского **Созруко – Сосурукъ**.

нарт-богоборец, сын Созруко (в том же сказании). Неясно. **Курюко –** вайнахские формы имени вождя нартов в кар.-балк. эпосе – ; от «волчий выкормыш»). Ёрюзмек вскормлен волчицей и носит волчью шубу. **Урузман (Орзми) – Ёрюзмек бёрю сьом-мек (бёрюсмек – ёрюзмек**

– возможно, другая форма имени **Оршми Орзми**.

, одноглазый нарт, великан-людоед – «имя этимологии не поддается» (Далгат, с. 417). Тюркское «белый (главный) хан»? **Сарган Сарыхан**

– нарт, по одному из сказаний – родоначальник карабулаков. возможно, то же, что кар.-балк. , сокращение имени . Во втором сказания варианте имя героя дополняется указанием на принадлежность его к тюркскому племени (и т. д.), обитавшему в Притеречье и некогда составлявшему население отдельного княжества. Аул существовал еще в конце XIX в. недалеко от г. Грозного, на левом берегу Сунжи. Борганы впоследствии слились с кумыками. Кумыкское селение существовало до XIX в.; позже его жители полностью переселились в Турцию, их потомки ныне проживают в сел. Явукёй области Сивас (КЭС, с. 32). **Чопа, сын Барата; чаще Чопа Борган Чопа, Чёне Чёпеллеу бораган, бора-гунн борган, баргун, барагун Брагуны Бораган-Юрт**

нарт, возлюбленный кабардинской княжны Ахловой. После его трагической гибели княжна построила мавзолей Бороган-каш, в котором и похоронили Бексултана (Далгат, с. 373). Кар.-балк. песня о набегнике Чюерди начинается словами: «Из Борагана выехали шесть всадников...». Имя представляет соединение двух тюркских титулов: + султан. **Бексултан Бораган – бек**

нарт. От арабского слова, означающего «господин». **Саид –**

, нарт – вероятно, усеченное кар.-балк. именование родоначальника рода Алик-лары, от «царь // царский» Или это арабское имя **Али алик, элик . Али**.

возможны два объяснения имени: от араб. «правитель» или от «век, вечный». **Амир – амр, амир омур, ёмюр**

– нартский кузнец, воспитатель Сеска Солсы. – вероятно, от тюркского «витязь». **Жов-Бятар Бятар батыр**

нарт, зять Соска Солсы. Его мать отличается невероятной силой. Это отголосок карачаево-балкарских сказаний о нарте Алаугане и его сыне Карашауае (Шауае), матерью которого была великанша. – возможно, от » большой сокол» (тотемическое имя). – может быть, иска-

женное именование Карашауа в кар.-балк. эпосе – «молодой, юный». **Кинда Шоа** – *Къара Шауай къара шахан Кинда Генджак*

отец нарта Патараза в кар.-балк. эпосе – ; имя восходит к мифу о небесном быке (буйволе —), олицетворении темной дождевой тучи, которого приносит в жертву небесный герой и семя которого (дождь) дает жизнь растительности, плодородие и чадородие. Второе имя этого персонажа – («красный бык»; в ходе эволюции образа бык-туча стал олицетворением зари, которая в мифе рассматривалась как кровь быка. **Хамчи (Хамча)** – . *Хымыч, Хмыч гаммеш, хаммеш Къызыл Фул къызыл бук, бугъа*

– от кар.-балк. «из смелого рода» (означает «витязь, герой»//отважный, мужественный; а также «воин высшего (седьмого) разряда» и присоединилось к имени человека – Сосуркь-батыр, Бора-батыр и т. д. **Патараз (Патарза, Патриж)** *Батыраз батыр*

– нарт. В кар.-балк. эпосе – , от слегка деформированного «неуязвимый». вероятно, краткая вайнахская форма того же имени. **Ачамза (Ачам)** *Ачез Ачимаз Ачам* —

– дочь Ачамзы. Неясно. **Зайза**

– нарт; имя, вероятно, карачаево-балкарское, «оберегаемый, береженный», от «оберегать, беречь». **Асран** *асра*

Все имена – тюркские: **Шесть братьев нарт-эрстхойцев:** *Ахамарза, Биймарза, Денгизбий, Темирбий, Карабий, Анарбий.*

– скорее всего, от «белый» + (иранский титул, часто встречающийся в тюркских именах).

Ахамарза *акъ мирза, мырза*

ср. кар.-балк. имя Биймырза – князь + **Биймарза** – *бий мирза.*

– от () «море // морской» + «князь». **Денгизбий** *денгиз тенгиз бий*

– от «железо // + **Темирбий** *темир железный бий.*

– от «старший, главный» + **Карабий** *къара бий.*

– от «процветающий» + ? **Анарбий** *онгар бий*

– от кар.-балк. «нартский князь»; так в кар.-балк. эпосе титулуют двух персонажей – божество плодородия Кызыл-Фука и его противника, предводителя нартов Ёрюзмека. **Няртби** *нартбий*

, нарт, великан-пахарь; «это имя этимологии не поддается», – пишет К. Чокаев (Далгат, с. 417). В кар.-балк. ономастике много имен с окончанием —, но уверенного объяснения имени мы предложить не можем, как и ряда других имен нартов из вайнахского эпоса: **Гонча** *ча Гонча*

– нарт. Без особой уверенности можно предположить, что имя образовано из двух тюркских слов: «богатый» + «принц». **Байнал** *бай инал*

– карачаево-балкарское имя, озн. «бать, батюшка». **Атай**

, царь нарт-эрстхойцев. «Заслуживает внимания само иранское имя „царя“ – тамады нарт-орстхойцев – Наураза (от „нау“ – „новый“, „руз“ – год)» – (Далгат, 436). **Наураз**

возможно, сокр. форма имени . Или это тюрк. и т. д. «дружинник, воин». **Наур** – *Наураз нёгер, нукер, нагур*

, жена Наура – скорее всего, вейнах. форма кар.-балк. имени главной героини эпоса + , сокращения обычного в тюрк. женских именах «моя госпожа, моя властительница». **Сатай-хан** *Сатанай хан ханым, ханум*

– имя жены Наураза. Неясно. **Саги**

, соперник нарта Наура – идентично имени героя кумыкской нартской песни – («старый Кожак») От «хозяин; учитель; господин; старец», присутствующего во многих тюркских языках (см. у Макса Фасмера), восходит к . **Гошак** *Къожакъ, Къарт-Къожакъ . ходжа къожакъ*

уменьш.-ласк. форма того же имени Ср. кар.-балк. фамилии **Козаш** – *Къожакъ. Кожаш-лары, Къожакъ-лары.*

жена Гошака – в кар.-балк. ономастике это имя присутствует, но его объяснения у нас нет. **Белашай,**

от тюркского «строитель крепостей» (или «житель крепости (цитадели)»). **Германч** – *керменчи, керманчи*

сокращенный вариант имени Германч? **Гера** –

, мать семи братьев-богатырей из племени эрбий. Неясно. **Эмиль-Эрте**

от кар.-балк. имени «большой, крупный»? Или от «утес»? **Гяла** – *Гала гола*

неясно. **Юртус** –

, брат Юртуса – араб. имя **Иса Иса**.

(в другом тексте так зовут чеченского героя) скорее всего, араб. имя (либо). Перс. и араб. мена, вероятно, вошли в ономастику карабулаков в период принятия ими ислама. **Нясар** – *Наср Насыр Наураз Иса, Нясар*

предводитель шайки нарт-орстхойцев. Неясно. **Чухи** –

последний из нартов. От кар.-балк. «непоколебимый» **Тэймысхан** – *таймаз хан*. +

нартом не является, но постоянно выступает то в роли их главного советчика, то гасмается над ними, то выручает их в трудных ситуациях. Может спускаться в царство мертвых. – ингушское слово, означает «ласка». В осетинском эпосе этот персонаж именуется Сирдоном, в карачаево-балкарском – Ширданом. В. И. Абаев объяснял это имя на основе осетинского «зверь». В кар.-балк. язык означает «неожиданное существо» (неожиданно появляющееся); – табуированное название крысы ( ) и имеет все признаки героя эпоса тотемического, имевшего облик крысы – у него длинные усы, он живет под холмом в доме-лабиринте, хитер, умен, коварен и, внезапно появляется и так же внезапно исчезает. **Боткий Ширтка** – *Ширтка сирд е ширт анг ширдан гылдуу*

Происхождение имен главных героев Нартиады подробно будут рассмотрены в другой главе нашей книги.

Тюркские имена носят и некоторые местные герои.

, местный герой; «имя Тимар происходит от Тимура хромого (т. е. Тамерлана) – (Далгат, с. 415). Но, в таком случае, это просто тюркское «железо; железный». **Тимар темир**

трусишка, который сумел одурачить огромного нарта. Вероятно, от карачаево-балкарского «князь, имеющий много холопов». **Куллуби** – *кьуллу бий*

, жена местного героя Охкархой Канта; это кар.-балк. имя «белая (знатная) госпожа», от «светлая, белая» + «княгиня, госпожа»; ср. также «старшая госпожа». **Альбика Алабике** *ала бике, бийке, бийче Ажабийке*

, местный герой – имя, возможно, от тюркского «воин, дружинник определенного разряда». **Чуара Нельбиевич чора, джора, чура**

имя его отца, скорее всего, представляет собой соединение двух тюркских титулов: «принц» + «князь». **Нельби**, *инал бий*

« – имя собственное, встречаемое только в фольклоре». Распространенное объяснение имени Пхягал Бярий – от «пхягал» заяц, «бьарий» – всадник, наездник, т. е. «заячий всадник». «Мифологическое объяснение „заячьего всадника“ может быть соотнесено с тотемом» (Далгат, с. 430). Это предположение не имеет ни оснований, ни доказательств; не ясно также, почему могучий богатырь разъезжал верхом на зайце. Это кар.-балк. «всадник на пегом коне» (букв. «пегий всадник»), понятое как созвучное «всадник верхом на зайце»; отсюда же «заячьи всадники» в фольклоре других народов Северного Кавказа. На пегом коне ездят в кар.-балк. эпосе вождь нартов Ёрюзек. **Пхагал Бярий** *кьолан атлы кьоян атлы*

« – всадник величиной с кулак и локоть („бий“ – кулак, „дол“ – локоть, „бьари“ – всадник). Встречается в сказке и в эпосе» (Далгат, с. 430). И это, скорее всего, также лишь народная этимология. Кар.-балк. (нёгер) «воин, дружинник определенного разряда; спутник, товарищ» вайнахские сказители, видимо, приняли за «локоть». **Бийдолг Бяри** *жёнгер жингирик*

« – здесь имя собственное; вероятно, тюрко-монгольского происхождения, от слова «богатырь» (Далгат, с. 424). **Бятар**

На основе тюркского (кар.-балк.) языка находят объяснения и некоторые другие выражения и термины в эпосе вайнахов.

«», «которой часто вооружены эпические герои вайнахских сказаний и в особенности героических песен, в быту это дамасская сабля или меч с тавром на клинке, изображающая голову волка или обезьяны» (Далгат, с. 431). Это знаменитое тавро представляло собой перевернутое изображение головы обезьяны; поэтому кар.-балк. букв. означает «неправильная (перевернутая) обезьяна». **Терсмаймальская пашка** *терс маймул*

палица. Ср. карачаево-балкарское «палица». **Чхонкар** – *чонкур*

В вайнахских сказаниях «часто имеет место упоминание обычая установления молочного родства, существовавшего у вайнахов продолжительное время»; «в вайнахских сказках герои, которые братаются, обычно говорят друг другу: «Отныне мы клятвенные братья и энчики (т. е. молочные братья), сосавшие одну грудь» (Далгат, с. 429). **Молочные братья.**

Терминология, относящаяся к обычаю молочного родства (как и аталычества, и куначества) у народов Северного Кавказа – тюркская. – от кар.-балк. «сосок; воспитанник (выкормыш)». *Энчик эмчек*

« – по-ингушски и по-чеченски значит «рабыня». «В данном рассказе Горбож – не рабыня, служанка, а могучая великанша-людоедка» (Далгат, с. 422). Но во многих вайнахских сказаниях ее именуют и . Ср., например, фразу из сказания: «...»; «Гарбаш – здесь служанка, рабыня» (Далгат, с. 295; с. 420). **Горбож** *гарбаши Оршамар Ари сказал гарбаши этой девушки*

Вайнахское , несомненно, от кар.-балк. «домашняя рабыня; служанка», от «черноголовая». Причина появления в вайнахском языке второго значения термина («злобная великанша-людоедка»), вероятно, в том, что великаны и великанши были олицетворениями высоких и заснеженных гор Кавказа. Карачаево-балкарское «заснеженная вершина» полностью созвучно «дворовая девушка-рабыня». *горбож, гарбаши, зарваши къарауаши къарабаши къарбаши къарауаши*

– дракон, от общетюрк. «дракон» **Саьрмак** *сармакъ, сарубек, сарьцук* .

– богатырь, герой; например, «турпал по имени Солсан, сын Соски» (Далгат, с. 399). Общетюрк. термин, ср. кар.-балк. «богатырь; богатырский (конь)». Вошло и в языки других народов Кавказа – аварский, табасаранский (Абаев, ИЭСОЯ, т. III, с. 299). **Турпал** *тултар*

. «...похищенных (для продажи в рабство. – М. Дж.) людей называли „есар“. „Есар“ – пленник» (Далгат, с. 447; с. 448). Слово проникло в ингушский язык, вероятнее всего, из кумыкского; тюркское озн. «пленник» (отсюда и русское ;кар.-балк.). **Есар** *есир ясырь жесир*

«», с помощью которого оживляли мертвых – типичный предмет, часто встречающийся в прозаическом фольклоре вайнахов. Обычно этот оселок каменный, что, на наш взгляд, может свидетельствовать об его отношении к древнекаменной эпохе. Во всех случаях предмет этот весьма архаического происхождения и магического назначения» (Далгат, с. 415). **Черный оселок**

Этот предмет, имеющий магические свойства, встречается в фольклоре и других народов Северного Кавказа; часто упоминается волшебный черный оселок в кар.-балк. сказаниях и сказках. Скорее всего, кар.-балк. «черное знание» (т. е. «черная магия») было принято за созвучное «черный оселок». Кар.-балк. озн. также и «буква», откуда выражение «грамотный», но букв. «знающий черное». *къара биллу къара билеу къара къара таньгъан*

. Святаясь к дочери Сеска Солсы, нарт Кинда Шоа предлагает ему в калым большое стадо «». «Это довольно постоянная характеристика рогатого скота в вайнахском эпосе; синий цвет животных – чисто эпический, не соответствующий действительности» (Далгат, с. 319; с. 428).

Синие животные *обросших, беломордых синих коров*

Разумеется, синих коров не бывает. Возможны два варианта: либо вайнахи поняли кар.-балк. «серый скот», как «синий скот» – поскольку слово означает и «синий», и «серый» (о масти животных), либо приняли «множество скота» за «синий скот». *кёк малла кёк кёп малла кёк малла*

. Одним из любимых развлечений нартов, по вайнахскому эпосу, являлось метание камней или обломков скал; смысл этого занятия не указан. Не исключено, что это отражение памяти об одном из популярных кар.-балк. народных видов спорта – толкании камня (), вероятно, известного и карабулакам. В одном из вайнахских сказаний на предложение молодца выйти за него замуж, красавица отвечает, что пойдет за того, кто одолеет ее доблестью и силой. «» (Далгат, с. 289). **Метание камней** *кёлташи оюн, хомпар таш оюн Они бросили два камня на спор: кто кинет дальше*

В одном из сказаний говорится, что нарты знали «птичий язык» (Далгат, с. 303). То же самое встречается и в кар.-балк. эпосе. Это результат путаницы, возникшей из-за созвучия кар.-балк. () «язык силы» (т. е. древнего магического языка, знание которого позволяло шаманам совершать чудеса), и «язык птиц». **Птичий язык.** *кюш тили кюч тили кёуи тили*

. » (Далгат, с. 337). «Чаа – медь и олово в расплавленном состоянии. Нередко это эпический напиток нартов, характеризующий их могущество». «Иногда нарты, по сказаниям, пьют медь, как обыкновенный напиток» (Далгат, с. 431; с. 435). **Расплавленная медь** *«Когда нарт-эрстхойцы узнали, что благодать (изобилие) пропала из-за них, они докрасна расплавили медь и, выпив ее, все погибли. Люди употребляли брагу, а нарты, по гордости своей, пили расплавленную медь» (Далгат, с. 334). «Нарты, пьющие расплавленную медь, переселились на небо. На западе есть семь блестящих звезд, это и есть пропавшие нарты*

В одном из текстов уточняется, что медь была красная. Полагаем, что речь идет о самом обыкновенном черном чае, по кар.-балк. – «красный чай», что было понято вейнахами, как «красная расплавленная медь» (). Видимо, чеченцы и ингуши, в отличие от тюрков-карабулаков, в те времена чай не употребляли. Вначале «расплавленная медь» представлялась обычным напитком нартов; но он казался бы слишком крепким даже для нартов, поэтому поздние сказители стали говорить об его употреблении, как о способе самоубийства. *кёзыл чай чаа*

Села-сата, жена Сескан-Солсы, втайне от него держала своего сына «в середине девяти медных пластов подземелья (формула „исс цАста юккья дАлалчкьина“ – в девяти пластах меди выросший – типична для сказаний чеченцев и ингушей)» – (Далгат, 1977, с. 44). **Девять медных пластов.**

Какие пласты имеются в виду и почему они медные, не сказано. Кар.-балк. «земля // земляной» было перепутано с «медь (желтая) // медный». Выражение () «семь (реже девять) слоев земли» обычно в мифологии, фольклоре и обычной речи карачаево-балкарцев; по этой причине в вайнахском сказании и говорится о подземелье. *жер жез жерни жети тогъуз къаты*

Много в нарт-орстхойском эпосе вайнахов и тюркских топонимов и гидронимов. Приведем лишь несколько примеров.

« – тюркское слово, чаще обозначающее „крепость“, укрепление». «В Чечне имеется два „Герменчика“ – около сел. Шали и между аулами Энгель-Юрт и Азамат-Юрт. Такое же село имеется у кумыков в Дагестане, а „холм Герминча“ – Герман-боарз – в Ингушетии» (Далгат, с. 437). Добавим и сел. Герменчик в Кабардино-Балкарии. Кар.-балк. означает «крепость, цитадель», «крепостца». **Герменчуг, Герменчик** *кермен керменчик –*

« – название местности, происходит от кумыкского Ичи-ери, что означает «местность среди гор». По-чеченски она называется «Нахчой-Мохк», т. е. «страна чеченцев» (Далгат, с. 436). Перевод неправильный, поскольку кумыкское означает «внутренняя местность». Но и в этом случае неясна причина появления в слове звука На наш взгляд, ближе кар.-балк. «внутри // внутренний»; называлась именно внутренняя (горная) часть страны вайнахов. **Ичкерия** *ич ери К. ичкери Ичкерией*

– река Волга. От общетюркского названия этой реки – кар.-балк. *Эдал Итиль, Идыл, Идель, Эдиль*.

Даже река именуется у вайнахов по-тюркски – , от «быстрая». **Терек** *Турк терк*

Чтобы поставить точку в вопросе о том, кем были нарты-карабулаки и откуда пришли в Чечню и Ингушетию нарты, приведем отрывок из одного текста. Замечательно, что эпос вайнахов и на этот вопрос дает прямой ответ, в сказании «Как погибли нарты Эрхстуа», опубликованном А. Газдиевым в газете «Сердало» в 2011 г. и вошедшем в сборник «Ингушский нартский эпос», подготовленный И. А. Дахкильговым (Нальчик, 2012).

« Там, на закате солнца, где дальний Мингитау поднимает к небу свои белые груди, близко к тому морю, что вечно бьет прибрежные скалы своими черными, как ночь, волнами, жили в старину нарты – Эрхстуа. Злые то были богатыри, завистливые на чужой достаток; напали они на мирных людей, не поспавши им вперед вести о войне, отнимали у бедняков их последнее достояние. Не почитали нарты Эрхстуа и Сердцеведца, за это не дал он женам их плодородия. Было нартов только шестьдесят. Не благословил он их стада: от овец их рождались серые волчата, бурьяном дарили их поля, и мясо в их нартском котле о сорока ручках обращалось в воиющую падаль.

– Куда пойдём мы в набег за добычей? На три раза семь дней в пути кругом наших жилищ земля стала серой пылью от копыт наших нартских коней: четыре раза десять и один день надо нам ехать по пеплу сожженных нами селений; Два раза округлит луна свое лицо, пока доведется нам услышать человеческий голос, – так говорил товарищам-нартам разведчик их, хитрый Батоко Ширтяха, хитрый проныра, сумевший построить себе повозку из меди и спуститься на ней до седьмого адского дня.

И так продолжал он свою речь:

– Есть в восточной стороне среди лесистых гор и зеленых долин пещера. В нее загоняет Колой-Кант на ночь свои овечьи стада. Несметны его богатства. Но и силой с ним никто из живущих не может сравниться. Я не хотел бы видеть поднятую над нашими головами его вражескую руку.

Ему с гневом отвечал гремящим, как гром, голосом сильный Солса, князь нартов Эрхстуа. Слова о несметном богатстве Колой-Канта разожгли его жадное сердце.

» («Ингушский нартский эпос», Нальчик 2012, с.,296). – Молчи, Батоко Ширтяха, сын раба-чужестранца, – сказал он. – Мы приняли тебя как товарища, но презираем как труса. Знай: мы, нарты, никого не боимся, и нет никого из живущих под солнцем, кто был бы сильнее меня. Веди нас немедля к пещере Колоя, коль знаешь дорогу

*(«Вечная гора») – карачаево-балкарское название горы Эльбрус. Случайно ли то, что нарты жили в окрестностях этой горы, где и ныне живут карачаево-балкарцы и случайно ли упоминание именно их названия великой горы? **Мингитау***

Полагаем, что приведенные здесь факты, вкуче с тем, что мы выяснили выше, позволяют уверенно говорить о том, что карабулаки (как и борагуны) были одним из тюркских (скифоаланских) племен, чьи сказания, в определенной мере, были усвоены чеченцами и ингушами; произошло это, судя по всему, относительно недавно, после их смешения с частью карабулаков (XVII—XVIII вв.

М. Ч. Джуртубаев

Библиография

- Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. – Казань, 1914
- Бабаев С. К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. – Нальчик, 2000
- Антология ингушского фольклора, том 4. Нартские сказания. Легенды. Грозный, 2006
- Антология ингушского фольклора, том 7. Ингушские предания. – Нальчик, 2010 Дахкильгов И. А.
- Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823.
- Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследования и тексты. – М., 1972
- Дахкильгов И. А. Мифы и легенды вайнахов. – Грозный, 1991
- Дахкильгов И. А. Ингушский героический эпос. – Нальчик, 2012
- Джуртубаев М. Ч. Происхождение карачаево-балкарского и осетинского народов. – Нальчик, 2010.
- КЭС – Кумыкский энциклопедический словарь. – Махачкала, 2009.
- Сказки и легенды ингушей и чеченцев. – М., 1983
- Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. – Грозный, 1986
- Чудесные родники. Сказки, сказания и песни народов Чечено-Ингушской АССР. — Грозный, 1963

І. ЖИЛИ-БЫЛИ НАРТЫ...

Как нарт-орстхойцы сгнули со света

В то старое время весь мир был благодатным. Во вселенной не знали, что такое дуновение ветра. С неба свисала нитка, на конце которой были лоскутки. Они никогда не шевелились. Да и могли ли они без ветра колыхаться? Люди жили в спокойствии и благодати. Посеянное, хранимое, как и принесенное, – все было изобильным. В то время в нашем краю появились нарт-орстхойцы во главе с Сеска Солсой. Со своими 60 нарт-орстхойцами он разорял села, совершая насилие над людьми. С появлением нарт-орстхойцев во вселенной появилось зло и задули ветры. Они уносили уложенное на горных холмах зерно, разносили скошенное сено. Посевы зерна стали малоурожайными; овцы и скот хирели. Все, создаваемое трудом человека, становилось неблагоприятным.¹

В один из дней в большое село прибыл Сеска Солса со своими всадниками, чтобы людей ограбить, а оказавших сопротивление – убить. Следовавшие за Солсой люди сказали:

– Большое это село, много людей живет здесь. Мы пострадаем, если они окажут сопротивление. Лучше нам разделиться на группы и прибыть к ним в гости, сделав вид, будто мы ищем пристанище. После этого мы выкрадем из жилищ оружие и тогда возьмем село без ущерба для себя.²

Сеска Солса согласился. Разделившись на группы, нарт-орстхойцы направились в дома. С 13 нарт-орстхойцами Сеска Солса оказался в гостях у Жербабы. Жербаба охотно ввела гостей в комнату и принялась за угощение. В медный наперсток взяла муки для изготовления хлеба, отломала кусочек бараньего ребрышка и начала готовить пищу.

– Эй, чем это ты занимаешься? – спросил удивленный Сеска Солса. – Кого ты собираешься насытить такой малой пищей, приготовленной тобой?

– Э, мальчик, после того, как вы все насытитесь вдоволь, еще останется излишняя еда. Это ведь пища, которая была на земле до появления Сеска Солсы и его орстхойцев. Это было тогда, когда во вселенной не было ветра и была одна благодать. Кто не видел Сеска Солсу – да не увидит его, кто однажды видел – пусть не увидит больше! Появившись со своими нарт-орстхойцами, он унес благодать с нашей земли. Страна обнищала и люди разорились.

Услышав сказанное, Сеска Солса остался сидеть на месте, пригвожденный горем.

– Эй, что стало с тобой? – произнесла удивленная Жербаба. – Ты потерял цвет лица и стал как воск. Не ты ли Сеска Солса? Кто не видел – да не увидит, кто видел – пусть больше не увидит его!

– Я и есть Сеска Солса, – сказал он Жербабе и ушел со своими орстхойцами не только из села, но и из того края.

С тех пор их никто больше не видел.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 330. Сказание записано Д. Д. Мальсаговым на ингушском языке в 1964 г. со слов И. Х. Мальсагова, уроженца сел. Гамурзиево Назрановского района ЧИАССР. Сказитель слышал это сказание от Патархана Куциговича Арчакова в 1920 г.

В описании благодатного времени особый интерес вызывает представление о безветрии; этот же признак благодатного времени запечатлен и в ингушском предании «Магал» (ССКГ, вып. VIII, 1875, стр. 15).¹

Намерение нарт-орстхойцев совершить разбой под сенью гостеприимства, по понятиям горцев, величайшее преступление.²

Как погибли нарты эрхстуа

Там, на закате солнца, где дальний Мингитауу поднимает к небу свои белые груди, близко к тому морю, что вечно бьет прибрежные скалы своими черными, как ночь, волнами, жили в старину нарты – Эрхстуа. Злые то были богатыри, завистливые на чужой достаток; нападали они на мирных людей, не пославши им вперед вести о войне, отнимали у бедняков их последнее достояние. Не почитали нарты Эрхстуа и Сердцеведца, за это не дал он женам их плодородия. Было нартов только шестьдесят. Не благословил он их стада: от овец их рождались серые волчата, бурьяном дарили их поля, и мясо в их нартском котле о сорока ручках обращалось в вонючую падаль.¹

– Куда пойдём мы в набег за добычей? На три раза семь дней в пути кругом наших жилищ земля стала серой пылью от копыт наших нартских коней: четыре раза десять и один день надо нам ехать по пеплу сожженных нами селений; два раза округлит луна свое лицо, пока доведется нам услышать человеческий голос, – так говорил товарищам-нартам разведчик их, хитрый Батоко Ширтяха, хитрый проныра, сумевший построить себе повозку из меди и спуститься на ней до седьмого адского дна.

И так продолжал он свою речь:

– Есть в восточной стороне среди лесистых гор и зеленых долин пещера. В нее загоняет Колой-Кант на ночь свои овечьи стада. Несметны его богатства. Но и силой с ним никто из живущих не может сравниться. Я не хотел бы видеть поднятую над нашими головами его вражескую руку.

Ему с гневом отвечал гремящим, как гром, голосом сильный Солса, князь нартов Эрхстуа. Слова о несметном богатстве Колой-Канта разожгли его жадное сердце.

– Молчи, Батоко Ширтяха, сын раба-чужестранца, – сказал он. – Мы приняли тебя как товарища, но презираем как труса. Знай: мы, нарты, никого не боимся, и нет никого из живущих под солнцем, кто был бы сильнее меня. Веди нас немедля к пещере Колоя, коль знаешь дорогу.

Молодым ушел Колой-Кант из тех мест, где жил его род – тухум; безбородым мальчиком ушел он в неведомые леса и погнал с собою только семь овец, но впереди овец

шел старый козел, вожак стада, сильный смелый козел, одаренный разумом человека, а на тучных пастбищах, под охраной козла-вожака, овцы плодились несметно. Пищей Колою служило лишь мясо годовалых овец, питьем молоко; соли, волнующей кровь, и перебродившего питья, туманящего ум, никогда не вкушал он. Не видал женской прелести, ослабляющей тело... Могучий, кроткий, спокойный – был любимым слугой Сердцеведа.

– Враги идут на тебя, господин мой. Готовься защищать себя, свое богатство свое от злах, жадных нартов Эрхстуа, – сказал Колой-Канту его вещий козел, страж его стада.

Отвечал козлу Колой-Кант:

– Кто может напасть на мое белое стадо? Кто б ни пришелко мне, я приму его как гостя и как для гостя ничего не пожалею для него.

Темной ночью тихо подъехали нарты Эрхстуа к пещере Колоя; шли кони их волчьей поступью по траве, пробирались лисьей пробежкой меж ветвями кустов. У скалы,

закрывающей вход в пещеру, сошли нарты с коней, и все шестьдесят стали отодвигать скалу с места, упираясь в нее могучими плечами; до колен ушли ноги в землю; но скала не сдвинулась и на ноздь.

– Вот приехали враги твои, господин, и хотят силою ворваться к тебе, – сказа Колой-Канту его вещий козел, вожак его стад по тучным лугам.

Отвечал Колой-Кант:

– Не верю я, чтобы то были враги: я зла людям не сделал. Я впущу их в сам в мою пещеру; приму их как гостей и свято соблюду обычай: ни в чем не отказывать гостю.

С этими словами встал Колой-Кант и тихо толкнув скалу рукой, легко отодвинул ее от входа... Ужаснулись могучие нарты, и в страхе отступили к своим коням.

– Войдите, путники, – молвил им ласково хозяин стада, – да будет приезд ваш на пользу вам и мне на счастье!

Но не захотели свирепые нарты войти гостями в жилище Колоя. Молча сели они на коней и уехали, не ответив ни слова.

– Дадите ли, нарты, мне десятую долю богатств Колоя, если я научу, как захватить их? – спросил хитрый разведчик Батоко Ширтяха, хитрый проныра Ширтяха, сумевший спознаться с алмас, зеленоокой великаншей, лесной красавицей, одетой лишь своими волосами, злой страшной ведьмой, пожирающей грудных младенцев.

Крепкое нартское слово, нарушив клятву, дали нарты Батоко Ширтяхе, что ему отделят они десятину всех богатств Колой-Канта. Тогда молвил им хитрый знахарь-разведчик:

– В лесах быстрой Аргуни живут великанши-алмасы. Красивейшую из них я пошлю к Колой-Канту, чтобы она очаровала его женской прелестью и лишенного силы отдала в ваши руки. Через три луны, три недели и три дня приезжайте в пещеру Колоя, там буду я вас ожидать.

У входа в пещеру, отпустив стада свои на пастбище, сидит Колой-Кант. И слышит он плач женщины в глубине леса; рыдания женские тревожат его кроткое сердце. И идет он на голос. Перед ним – красавица. К скале прислонясь, стоит она, и слезы горными ручьями льются меж пальцами ее белых рук.

– Кто обидел тебя, женщина?

– Нарты, злодейское племя Эрхстуа – мои враги. Отец мой и мать, и все родные мои убиты ими, только я одна спасла свою жизнь, но заблудившись в этом лес, гибну теперь голодной смертью.

В пещеру свою ввел богатырь Колой предательницу, отогрел у огня ее тело, подкрепил ее пищей и сладким молочным питьем. Веселым огнем загорелись тогда зеленые, словно глубокие озерные воды, очи алмас, жарким пламенем пахнуло на богатыря от ее золотых волос.

– Кого положил ты, господин мой? Кого обнимаешь ты, целуя и прижимая к сердцу? То – не женщина из рода людского, то – злая, коварная алмас, отродье бесов, – сказал

Колой-Канту его вещий козел, возвратившийся со стадами в пещеру; но не внял Колой-Кант его слову: не внял и убил своего верного слугу, ударив о камень.

Месяц прошел с неделей и днем.

– Что сделал бы ты, господин мой, с врагами моими, злыми нартами Эрхстуа, если бы пришли они сюда, чтобы убить меня? – спросила алмас Колой-Канта, нежно ласкаясь к нему.

Вспыхнуло гневом сердце богатыря, не ведавшего раньше злобы, схватил он рукою скалу, что служила ему вместо двери, и далеко швырнул ее на чащу лесную: застонала, дрогнула земля от удара, с треском и гулом рухнули наземь столетние сосны.

– Я раздавил бы их так, как этот камень давит жалких червей.

Еще месяц прошел, прошли еще неделя и день. Опять спросила злая алмас Колой-Канта:

– Как бы ты казнил наших врагов нартов, если бы они пришли к нам?

Упершись плечами, с трудом пододвинул Колой скалу к ущелью и завалил его вход.

– Сюда они к нам не вошли бы, – молвил он тихо.

Три месяца минуло и три недели прошло с тремя днями.

– Ты очень силен, мой Кант! Но не оборвать тебе и тонкого шнурка, сплетенного из моих волос... Дай я свяжу тебе руки, – молвила злая алмас богатырю и с теми словами, будто шутя, опутала его могучие руки сзади золотыми волосами.

Раз богатырь свою силу напряг – шнурок впился в его кожу, от второго усилия – брызнула кровь от разрезанных мышц. Когда же рванул он со всей силы в третий раз, и шнурок, не поддавшись, впился в тело до белых костей, то радостно крикнула злая алмас. Дикой медведицей ревет она в чаще лесной, воет хищной волчицей. И на зов ее словно коршуны, что слетаются со всех сторон небосклона на труп, мчатся к пещере Колоя жадные нарты... И молвил им связанный богатырь – бессильный защитить своих белых овец. Так сказал он окружившим его нартам:

– Да будет вам, чужеземцы, проезд ваш на пользу, а мне на счастье! Принимаю вас в моем жилище за дорогих гостей. Все, что есть у меня – ваше; я – ваш слуга, вы же будете моими господами.

Злобно засмеявшись, отвечал ему Солса, старший над нартами, голосом, подобным грохоту катящегося с горы обвала, так загремел он в ответ:

– Приезд наш будет нам на пользу, мы берем все твои богатства. Мы будем твоими господами, а ты – нашим рабом. Будешь ты, скованный по рукам и ногам, молотить ячмень для наших жен, сидя в глубокой яме... Не хотим быть твоими гостями!

И ворвались алчные нарты в пещеру Колоя; кровожадные, стали рубить они овец, пробуя остроту своих мечей и силу руки. И с насмешками били ногами беззащитного и плевали в лицо связанного богатыря.

– Господа мои! – молвил им Колой-Кант. – Вы вольны над вашим слугой. Но во имя бога, прошу вас: убивая овец из моих белых стад, отделите десятину жертву Серцеведцу и сыновьям его Елта и Этеру, и богу грома, грозному Сэлли, чтобы не прогневались на вас они, привыкшие вкушать дым сжигаемой здесь жертвы.

С насмешкой отвечал ему свирепый Солса, князь нартов:

– Пусть боги твои будут сыты прежними жертвами. Мы же не дадим и дохлого ягненка.

Тогда вступился за Колоя Серцеведец. Грозного владыку грома Сэлли послал он к нартам, пировавшим в пещере. И смутил Сэлли их разуми, пищу в котле их обратил в расплавленную красную медь. Все нарты вкусили той меди, и умерли из них тотчас пятьдесят девять. Лишь шестидесятый – князь их, могучий Солса – долго боролся со смертью. Сгорая от палящей жажды, лежал он без сил у пещеры.

Ворон кружился над ним.

– Принеси мне воды, черный ворон! Я вдосталь поил тебя кровью людской...

– Не затем прилетел я. Жду твоей смерти, чтобы выклевывать очи твои!

– Ты, волк, что глядишь на меня из чащи? Дай воды мне... Я был тебе другом и кормил тебя досыта мясом людским...

– Скорей умирай! Я хочу сожрать твое сердце!

– Будьте вы прокляты вечно! Напой меня, голубь! Я изнемог... Помоги мне смерти отдаться без стога, глядя ей прямо в глаза.

И добрый голубь принес ему воды в красном сафьяновом чувяке и освежил уста умирающего... Не было уже слов у князя нартов; рукой, которой он брал из котла жидкую медь, он погладил шейку воркующей птицы и от того виден теперь на шее голубя отблеск меди.

Так погубило все племя нартов Эрхстуа, и князь их, могучий Солса, стыдившийся жалости, так встретил конец свой. Со смертью Солсы развязался шнурок, опутывавший руки Колой-Канта.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 296—301. Нальчик, 2012. В литературно обработанной форме изложил Владимир Левченко. Текст опубликовал А. Газдиев в газете «Сердало» (22 сентября 2011 г.). Информатор и место записи не указаны.

В основе этого сказания лежит сюжет о лишении могучего пастуха – нарта Колой-канта своей телесной силы врагом (Сеска Солсой или князем) с целью угона его огромно овечьего

стада. Однако приводимый сюжет во многих деталях отличается от традиционного. Например, искусительницей нарта является не сестра Соска Солсы, а алмас – персонаж низшей мифологии; в действие сказания введены боги ингушского языческого пантеона Села, Елта, Этир; сам Колой-кант представлен пассивным героем, поскольку не вступает в сражение с разбойниками, которых губит бог Села. Перекликается это сказание с другим – Соска Солса и Горжай».

В обоих сказаниях мирные пастухи, предупреждаемые об опасности, не оказывают никакого сопротивления, уповая на защиту бога, которому они возносят жертвы, что не спасает их от нападения разбойников. Традиционным является здесь мотив: умирающий Соска Солса просит принести воды у разных птиц и животных, и лишь один голубь помогает ему.

Отдельные детали, имена, мотивы этого произведения могут натолкнуть на мысль: не есть ли это компиляция из ингушских сказаний, записанных Ч. Ахриевым и Б. Далгатом.

Мингитау («Вечная гора») – карачаево-балкарское название горы Эльбрус (прим. составителя).¹

О вамполож¹ **(отрывок)**

В одно время с Соской Солсой жили в горах джелты (греки). Они были народ трудолюбивый и образованный, хоть не так, как теперь. Они были хорошие строители и построили много башен и замков. Кроме того, они оставили в разных местах большие клады. Они уехали от нас в какую-то другую сторону. После джелтов жили вамполож. Между ними были двуротые.²

Комментарий У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 275. Записано Ч. Ахриевым на русском языке. Текст опубликован без названия.

«Вамполож», в ингушской огласовке «вампалаш» (ж), означает великаны.¹

Объяснение Ч. Ахриевым значение слова «джелты» как «греки», на наш взгляд, следует считать весьма субъективным. «Джелты», возможно, происходит от ингушского «джел» – загон, укрытие для овец; карачаевское «джалчы» – работник.²

Гарбаш (великан-чудовище)

Наши отцы говорили, что одна гарбаш имела девять тысяч голов. Были между гарбашами мужчины и женщины; они жили совершенно отдельно от обыкновенных людей и вели особый образ жизни. Орштхоец Чопа Борган видел, как гарбашаи дрались. Вот что рассказывает нам предание стариков.

Однажды Чопа Борган поехал верхом на лошади. Проехав степи, он попал в лес. В лесу он увидел кровавую реку. Чопа удивился и дал себе слово не уезжать, пока не узнает, откуда эта кровь, и поехал вверх по течению реки. Когда Чопа доехал до опушки леса, он увидел лежащего на боку человека, величиной со скалу. Оказалось, что этот человек порезал себе мизинец и кровавая река образовалась из его крови.

Когда Чопа подъехал к нему, Гарбаш спросил его: «Что ты за человек и зачем пришел сюда?». Тот ответил: «Я Чопа Борган. Проезжая по лесу, я увидел кровь, и мне захотелось узнать, откуда кровь вытекает». «Я слышал много о тебе, – сказал Гарбаш. – Я думал, что ты витязь, а оказывается, ты не что иное, как муха». «Ну что ж, муха не муха, а тот самый Чопа я и есть. А ты зачем порезал себе мизинец и валяешься здесь?». «Да вот, – отвечает Гарбаш, – другой Гарбаш поехал за посватанной за меня девушкой. Я же хочу отбить ее и отомстить ему за это. Вот я и караулю его здесь, но, боясь заснуть, взял и порезал себе мизинец». «А, может быть, я тебе в чем-то помогу?», – спросил Чопа. «В чем же ты можешь помочь мне?». «Да хоть разбуду тебя, если ты заснешь». «Как и чем ты меня разбудишь?». «Я выстрелю из ружья». «Нет, ты меня этим не разбудишь, а вот я лягу головой к чинаре, и когда вдали покажется туман, то ты подруби чинару; дерево упадет на мою голову – и я проснусь».

Сказав это, он прилег головой к чинаре. Чопа сидел, сидел, и увидел, что между двумя хребтами в долине показался туман. Он мигом схватил топор, подрубил чинару и свалил ее; чинара упала Гарбашу на голову – и он проснулся. «Что такое? Зачем ты разбудил меня?». «А вон туман». «Это не туман, а пар от быков, на которых он везет мою невесту. Надо приготовиться». «А может быть, я и в драке помогу тебе?», – спросил Чопа. «Нет, ты мне не можешь. Ты лучше спрячься. Когда мы закричим, ты подойди к нам. Мы умрем оба. Тебе останется девушка, при ней будут деньги: как угодно, так ими распоряжайся».

Гарбаш схватил чинару, вырвал ее с корнями, обчистил, как траву, и приготовился в ожидании врага. Когда противник приблизился, он кинулся на него. Тот тоже схватил чинару, и они начали бить друг друга; чинары поломались. Тогда Гарбашаи схватили топоры и стали наносить ими друг другу удары, но у обоих противников были волшебные оселки, и потерши ими свои раны, они заживляли их.

В конце концов оба заревели и упали мертвыми. Тогда Чопа подошел к девушке и сказал: «Да, это не худо. Гарбашаи убили друг друга, а мне остались девушка и деньги». «А что ты хочешь со мной сделать?» – спросила девушка. «Конечно, возьму тебя для себя». «Хорошо, иди сюда, я расставлю ноги, и если ты, вытянувшись во весь рост и протянув рукой плеть, достанешь до моих шальвар, то ты для меня годишься, а если не достанешь, то я и ты не годимся друг для друга». Чопа сделал так и не достал. «Ну, хорошо, быть по-твоему. Ты пойдешь домой, будь счастлива! Тем не менее я должен взять себе арбу, быков, деньги и все, что находится в арбе», – сказал он. Гарбаш пошла домой, а Чопа взял все и тоже отправился домой.¹

Комментарий У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 275—277. Записано Б. Далгатом на русском языке в 1892 г. со слов сказителя Ганыжа.

Говорится «и до колен» (примеч. Б. Далгата).¹

Орштхойцы (карабулаки)

Чопа, сын Барата, и Загк, сын Гарда, были знаменитые мужи; трудно было дать кому-нибудь из них преимущество; оба они жили возле реки Фортона, один на одном берегу, другой на другом; до сих пор видны следы их жилищ. Чопа не имел наследников, говорят, что он был женат на лесной женщине.^{1 2}

В Ногайской стране жил князь Баркчапо. Ему было предсказана смерть от руки или Чопы, или Загка. На том месте, где жители собирались для препровождения времени, лежало бревно с дуплом. Туда забрался Чопа с целью убить князя. «Нужно осмотреть бревно», – сказали ногайцы, когда пришел князь. «Что скажут прочие князья, когда узнают, что я не могу спокойно провести день и осматриваю даже бревно, на которое должен сесть?», – воскликнул князь и отклонил предосторожность своих подвластных. Чопа оставил бревно, перешел в отхожее место князя и стал его ждать. Князь пришел туда – и Чопа заколол его.³

Чопа продолжал связь с лесной женщиной, и у них родилось две дочери. «А что, Чопа, ты испугаешься, если к тебе придет ночью какое-нибудь чудовище?», – спросила однажды лесная женщина. «Нисколько не испугаюсь и буду защищаться, кто бы ни напал на меня!», – отвечал Чопа. «Сегодня я оставлю тебя одного, ты должен показать свою храбрость; в полночь придет к тебе лесной человек!», – сказала женщина.

Чопа остался в лесу один. В полночь поднялась буря, гроза, и все приняло страшный вид. Вдруг с вихрем появляется чудовище; оно освещалось огнем и подошло к Чопе. Чопа выстрелил в него. «Я брат той женщины, которая живет с тобой! – сказала чудовище. – Напрасно ты выстрелил». Раздался стон, и чудовище исчезло.

«Приходил к тебе кто-нибудь?», – спросила женщина. «Да, приходило в полночь огненное чудовище; я в него выстрелил. После этого оно сказала, что оно – твой брат; застонало и исчезло!». «Ты убил моего брата!», – стала упрекать женщина Чопу.

Связь между ними продолжалась, и у них родился сын. Когда сын вырос, Чопа стал опасаться мести от него за убитого дядю. Он вынужден был прекратить продолжительную связь с лесной женщиной и даже боялся ходить в лес.

Однажды Чопа отправился на плоскость к кабардинцам, которые жили на теперешней Назрановской плоскости. Чопа возвращался домой через ущелье Аршту. Перед входом в ущелье он наткнулся на огромное чудовище. Чудовище спросило, кто он такой. «Чопа», – отвечает тот. «Какой ты маленький человек!», – говорит чудовище. – Послушай, Чопа! Я – лесной человек. Мы, лесные мужи, полюбили ногайскую княжну. Чтобы не обидеть нас, княжна не хотела отдать предпочтения одному из нас; она велела нам удалиться и обещала сказать после за кого выйдет замуж. С дороги мой товарищ тайком воротился к княжне; его-то я и подстерегаю. Он будет возвращаться на арбе с невестой и деньгами. Между нами произойдет драка, и в драке мы убьем друг друга. Тогда тебе достанется невеста и огромное богатство. Но если я засну, то прозеваю товарища, и никакие твои толчки не смогут разбудить меня. Я лягу под дерево. Когда будет ехать мой товарищ, ты подруби дерево, чтобы оно упало на меня; только этим и можно меня разбудить». ⁴

Через некоторое время поднялся ветер, и Чопа увидел, что едет лесной муж с невестой. Он стал рубить дерево, и оно упало на лесного человека, спавшего под ним. «Что ты меня будишь?», – спросил он Чопу. «Вон, едут!», – отвечает Чопа. Между лесными мужами произошла драка; они убили друг друга. Чопе остались невеста и огромное богатство. «Теперь ты должна выйти за меня!», – говорит Чопа невесте. «Лучше отпусти меня. Возьми себе все богатство. Ты не можешь быть моим мужем, потому что не можешь исполнить супружеские обязан-

ности». Чопа настаивал на своем. «Ну, если достанешь до моих колен, то я выйду за тебя!», – сказала княжна. Чопа не мог достать до ее колен. Тогда он отпустил княжну домой.

Чопа отправился дальше по ущелью Аршту. Не доезжая до аула Балтум, он встретил своего лесного сына. Между ними произошла драка. Чопа был ранен и ограблен сыном в отместку за дядю. Чопу подобрали жители аула Балтум. Умирая, он завещал, чтобы в комнате, где он будет лежать мертвый, никого не было. Так и сделали. Но одна женщина из любопытства осталась с трупом. В полночь комната вдруг осветилась, это явилась лесная женщина со своими прекрасными дочерьми оплакивать Чопу. Затем они омыли и одели его.⁵

К рассвету лесная женщина говорит дочерям, что чует человеческий запах. «Кто слышит наш разговор, да не удовлетворится душа его потомства!» – сказала она. Произнеся это заклятие, лесная женщина исчезла с дочерьми. От женщины, спрятавшейся в комнате, произошли орстхойцы (карабулаки). Известно, что они самый беспокойный народ и ничем не удовлетворяются.⁶

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 261—263. Записано Ч. Ахриевым на русском языке.

Место жительства Чопы и Загга говорит о том, что эти герои были из карабулаков, которых Ч. Ахриев называет «орстхойцами».¹

Ингуши верят, что в лесах живет особая порода лесных людей. Лесные мужчины покрыты волосами; имеют страшный вид, свирепый и коварный характер; на груди у них острый топор. Лесные женщины отличаются чрезвычайной красотой; волосы у них до пят и прекрасного золотисто-серебряного цвета; но по характеру они так же злы и коварны (прим. Ч. Ахриева).²

Баркчапо – возможна аналогия с именем Борга + Чопа. Здесь его убивает «орстхоец» Чопа.³

Отсюда начинается второй эпический рассказ, известный в вайнахском эпосе как моносюжетный. Все сказанное контаминировано из двух самостоятельных сюжетных звеньев.⁴

Дядя по матери и в настоящее время у ингушей пользуется большим уважением, что является подтверждением господства материнского (когнатического) рода в прошлом.⁵

Аналогичный сюжет зафиксировали Б. Далгат в рассказе «Чопа Борган» и Д. Мальсагов в рассказе «Сеска Солса и вампал».⁶

Семь сыновей вьюги ¹ (Ингушское предание)

Это было в те незапамятные времена, как рассказывают старики-ингуши, когда землю населяли нарты, сотворенные всеильным Тга, после того, как он сотворил лучшее украшение Вселенной – снежного великана Бешлам-Корт. Нарты были могущественные и сильные люди-великаны, которых Тга поселил у подножия горы в тесной долине, по ложбине которой протекала бурная река. ^{2 3}

Сначала в небольшом селении было немного людей – пара нартов, от которых впоследствии разошлось по долине и соседним черным горам многочисленное потомство. И чем больше проходило времени, тем больше людей оказалось на земле и тем больше аулов появилось у подножия гор. Великаны-богатыри славились неслыханным мужеством, храбростью и гордостью, особенно отличались этими качествами предки нартов, сотворенных всеильным Тга, которые поселились у Бешлам-Корта. Они не признавали соседних племен, давно уже потерявших с ними первоначальную связь, и проводили жизнь в набегах, грабежах и разбоях. В особенности они были беспощадны к нартам-людоедам и вели с ними никогда не прекращавшуюся войну, часто побеждая их вследствие своей природной хитрости и ума. ⁴

Естественно, кого они еще боялись, – это великого нарта Тга, их творца и повелителя. Ежедневно приносили ему к подножию горы в жертву по одному нарту-людоеду из числа тех, которых забирали в плен во время набегов. Когда же случалось, что пленных не оказывалось и приносить в жертву ненасытному Тга было некого, они бросали между собой жребий и закалывали на алтаре того, кто вытягивал жребий.

Животных на земле не было, так как Тга, заселив нартами подножие Бешлам-Корта, держал у себя стада баранов, предоставив созданным им людям питаться, чем им будет угодно. Вот почему они и питались разными травами и кореньями, отыскиваемыми ими в долине. Их враги, нарты-людоеды, не довольствовались такой скудной пищей и стали поедать друг друга, но нарты Бешлоам-Корта рассудили, что если они последуют примеру своих соседей, то вскоре весь род их должен будет прекратиться, так как есть уже будет некого.

Однако трава и коренья не могли удовлетворить их вечного голода, и понемногу они стали роптать на Тга. В особенности плохо им приходилось зимою, когда начинали дуть холодные ветра, растительность вымирала и трава, заготовленная впрок, подходила к концу. В эту суровую зимнюю пору всеильный Тга ревниво прятал около себя солнце, чтобы оно сильнее грело его самого, и окутывал его толстыми облаками, чтобы оно не посылало тепло на землю. Словом, создав людей и населив ими землю, он перестал заботиться о них и предоставил их собственной участи, вероятно, решив заняться созданием кого-нибудь другого, более интересным делом.

Жилось нартам плохо и оттого, что они должны были ютиться в пещерах, спать на голых камнях и не имели возможности укрыться от непогоды и ветров. И когда Великий Тга в припадке веселья хохотал, сидя на своих облаках и греясь у солнца, как у хорошей печки, то от его хохота сотрясались горы и каменные обвалы свергались на землю и побивали многое множество людей. А когда он вздыхал от какого-нибудь неудачного дела, то вздох его доходил до земли в виде ужасного холодного ветра, от которого нарты не знали куда укрыться, так как пещеры были открыты с наружной стороны.

Ну а когда Тга принимался в припадке злобы плакать, то слезы его падали на землю целыми потоками дождя, и нартам опять-таки приходилось плохо. Но хуже всего было тогда, когда Тга принимался ссориться с женой, со старухой Химехнинен. Тогда поднималась буря, ветер со страшными порывами проносился над землею, вода в реке бурлила и выступала

из берегов, снег валил хлопьями и обвал за обвалом сыпался на несчастные головы нартов. И они начали роптать.⁵

Отношения между ними и Великим Тга совсем испортились. Они знали, по отдаленному преданию, что живет он в хижине из тростника, спит на толстых мягких облаках, ест досыта барашков и греется до пота у солнца. Но ропот не приводил ни к чему. Нарты все-таки продолжали зябнуть и голодать. И если от злости придумывали лишить Тга человеческой жертвы, то им это никогда не проходило даром: Тга посылал на них обвалы и вьюги, которые уносили вырванные с корнем травы; и еще посылал на них мор, от которого нарты умирали и ослабевали так, что людоеды их легко побеждали и поедали целыми толпами.

***

У самого подножия Бешлоам-Корта в глубокой и обширной пещере жил седовласый и длиннородый нарт Созруко со своим сыном Курюко. Сколько времени жил старик на земле, он не помнил, не помнил себя и молодым, да и все, кто знал его, знали уже стариком.⁶

Иногда собирались к нему в пещеру другие нарты, и тогда старик начинал им рассказывать о величии Тга, о его жизни и могуществе. И все внимали ему благоговейно, уставя бороды в землю и поникнув головами. Созруко и сам не знал, что говорил; порой его слова походили на бред, и тогда все думали, что устами его вещает сам великий Тга.

– Как дивны наши родные горы! – восклицал, закрыва глаза, Созруко. – Как дивны они, когда утренние облака покрывают их розовой тканью, а всходящее солнце золотит их верхушки огнем... Велик в своем творении Тга!

– Велик в своем творении Тга! – вторили хором присутствующие.

– Тихо двигаются барашки-облака, – продолжал Созруко, – по длинной цепи гор, с любопытством заглядывая в ущелья и долины, в пещеры и пропасти. Кое-где из этого стада облаков выглянет красный утес, покажется верхушка черной горы. Утренний ветерок поднимается от улыбки Тга, и тогда тают белые облачка. Вершина Бешлам-Корта розовеет от счастья увидеть улыбку Великого Нарта. Велик, велик и могуч в своем творении Тга!

– Велик в своем творении Тга! – опять хором подхватили присутствующие.

– Бешлоам-Кот – сказал старик, – верхушкой своей упирается в небо, и голова его покрыта льдом и снегом, которые никогда не тают. И эти льды сверкают на солнце, как самоцветные камни... И гора наша выше всех гор на свете... Когда Тга творил мир, он раньше всего сотворил нашу гору, чтобы устроить на вершине ее удобный шатер из тростника, в котором он обитает, наблюдая оттуда за созданной им землею. Слава Великому Тга!

– Слава, слава Великому Тга!

Старик продолжал:

– Были другие нарты, которые пытались пробраться к его вершине, и все они погибли, все погибли, даже самые отчаянные смельчаки, самые лучшие воины! Давно это было... очень давно... когда я был еще юноше... не упомяну. Страшен в гнев своем Великий Тга!

– Страшен в гнев своем Великий Тга! – повторили слушатели, после чего все погрузились в благоговейное безмолвие.

Только один из нартов, молодой Курюко, внимал речам отца с насмешливой улыбкой и дерзким сомнением. Давно уже сердился он на Великого Тга и не мог простить его равнодушные к созданным им самим нартам. Он, как и все, терпел голод и непогоду, но в то время, как все молчали, он громко роптал и проклинал свою участь. У него было доброе сердце и ему было жаль этих сильных, но беспомощных людей-великанов, лишенных самого необходимого на земле. Он понял, что если бы Тга, сотворив их, дал им стада баранов и тростник, то они жили бы счастливо, занимаясь скотоводством; людоеды-нарты прекратили бы свое гнусное ремесло, потому что им не к чему было бы питаться людьми, и все набеги, разбои, распри и ссоры кончились бы на земле. Да и вместо умиловительных жетв людьми можно было бы приносить в жертву баранов.

И вот Курюко вздумал перехитрить Великого Тга и доставить людям счастье. Но он долго откладывал исполнение задуманного плана, не решался на него. Он думал жертвоприношениями и мольбами умиловить Великого Тга. Но Тга оставался глух к его мольбам, потому что жил в тепле и сытости; а еще в те времена было известно, что сытость служит помехой к пониманию голода.

Однажды, после славословия Созруко, сын его отправился в пещеру и заколол в ней пленного нарта-людоеда. Затем он взвалил его на костер и зажег под ним сухие корни низкорослых деревьев, принеся людоеда в жертву Тга.

Курюко горячо молился во время этого жертвоприношения. Так горячо молился, как никогда. Он тут же растянулся на голом камне в пещере, заснув глубоким сном. Проснувшись утром, он думал найти у входа в свою пещеру стадо баранов, но ничего не

нашел. Тогда он отправился к реке, рассчитывая увидеть на ее берегах лес тростника. Но и этого не было. Курюко страшно разгневался. Он знал, что нарт-людоед был последним в их пещерном ауле и что, следовательно, сегодня необходимо будет принести в жертву кого-нибудь из своих. А он надеялся, что это не придется делать, что молитва его будет наконец услышана Всесильным Тга.

Тогда он возроптал. Он почувствовал в себе необычайную силу и великое мужество. Если бы ему предстояло теперь сражаться в рукопашную с самим Тга, он и этого не испугался бы. Вечером, когда нарты собрались к пещере Созруко, чтобы бросить жребий, кому из них быть заколотым и сожженным, Курюко обратился к ним с торжественной речью:

– Братья нарты! – сказал он им. – Великий Тга, о котором так много говорит всегда отец Созруко, забыл нас. Мы голодаем и бедствуем и принуждены убивать друг друга, чтобы удовлетворить ненасытного Тга. У него стада баранов, у него хижина из тростника.

разве не мог был он бросить нам пару баранови несколько стеблей тростника? Мы бы сумели расплодить баранов и развести тростник. Мы бы тогда жили счастливо. Вражда, убийства и распри прекратились бы между нами... Но Тга слеп и глух. Он не видит наших невзгод и не слышит наших горячих молений...

В это время раздался сильный глухой удар грома, и у самой пещеры Созруко упал обвал, который чуть-чуть не раздавил смелого Курюко. Курюко разразился проклятиями и вовремя отскочил в сторону. Из пещеры вышел старый Созруко и, воздев руки к небу, заговорил:

– Приветствую вас, собравшиеся здесь нарты! Сегодня мы не приносили жертву Великому Тга, и он справедливо гневается на нас. Вернулись ли наши воины?

– Да! – ответил кто-то.

– Привели ли они нарта-людоеда?

– Нет! – послышался ответ.

– Тогда приступим к метанию жребия. Кто-нибудь из нас должен быть принесен в жертву. Вы слышите, как гремит гром, как дрожат горы? Великий Тга гневается, что мы забыли о нем.

– А не он забыл о нас? – воскликнул Курюко.

Старик укоризненно посмотрел на сына.

– Молчи! – строго сказал он. – Не призывай на нас страшного гнева Великого Нарта!

– Я не боюсь его!

– Смотри, он первого накажет тебя.

Курюко дерзко улыбнулся, но промолчал.

Тогда начали бросать жребий. Нарты уселись широким кругом около отверстия в пещеру старика, а один из них – на скалу, выдававшуюся в виде навеса над входом в пещеру. Там он обернулся спиной к нартам и бросил через плечо камень вниз. Камень упал как раз у ног Курюко.

– Курюко намечен! – сказал старик-нарт с глубокой печалью. – Я говорил тебе. Тга накажет тебя! Прощай, сын мой! Никогда, никогда больше не увидят тебя глаза мои и уши мои не услышат твоего голоса. Да будет славно имя Великого Тга!

– Да будет славно имя Великого Тга! – повторили нарты.

Гром перестал греметь, небо сделалось ясным. Жертва была угодна Тга.

– Теперь ступайте готовить костер, – сказал Созруко и в великой печали удалился в пещеру.

– Я пойду, принесу старых сухих кореньев для своего костра, – сказал смиренным голосом Курюко, – у меня их много в пещере.

И прежде чем ему успели ответить, он исчез из виду. Курюко спустился к реке и скрылся в пещере, ему одному известной. Он боялся преследования и погони. Он досидел в укромном местечке до глубокой ночи.

– А! – злобно шептал он. – Ты избрал меня своей жертвой!.. Ты хотел, чтобы эти трусливые перед твоим могуществом глупцы сожгли меня в угоду тебе! Меня, единственного между ними, который осмелился роптать на тебя! И что же ты хотел показать этим? Только одно: ты боишься меня! Боишься – и потому хочешь уничтожить! Берегись! Я не боюсь тебя и вступлю с тобой в борьбу!

Он услышал невдалеке от своего убежища голоса. Это нарты искали его. Они удивлялись его побегу. Никто еще с тех пор, как существовали нарты, не уклонялся от жребия быть принесенным в жертву Тга. Поэтому они поверили ему, когда он заявил, что идет за корнями и отпустили его. Он долго просидел еще в своем убежище, пока все вокруг не успокоилось, и пещерный аул не уснул мертвым сном.

Небо заволочло тучами. Собиралась гроза. Ветер свистел и гудел с такой силой, что камни с шумом отрывались от гор и скатывались в долину. Небо было почти черное, река бушевала, бурлила, клокотала. Даже Курюко почувствовал что-то вроде страха в своей душе. Но он быстро с этим справился и вышел из своего убежища.

Узкое ущелье расширялось по мере того, как Курюко приближался к подножию горы, и вместе с тем долина реки поднималась все выше и выше, подходя к отрогам величественной вершины, покрытой вечными снегами и льдами. Он взглянул вниз, в долину. Угрюмо и неприветливо было внизу: по голым скалам ползла жалкая и низкорослая растительность – вереск, колючка и серые мхи. Река глубоко, на дне долины, все еще бурлила и клокотала, роясь по каменному дну.

Но еще угрюмее и неприветливее было там, наверху, где растительности почти не было, где скалы были обнажены даже от мхов, и где начинались унылые, безнадежные снеговые поля и вечные льды. И все вокруг мертво и уныло, безмолвно и дико, и черные скалы, торчавшие из-под белого снега, казалось, тосковали о чем-то.

Курюко поднимался все выше и выше. Ноги его были уже изранены об острые камни, но жажда мести все еще поддерживала его, и он не замечал усталости. Бодро шагал он, карабкаясь по скалам, цепляясь руками за острые выступы их и изранив себе, кроме ног, еще и руки. Когда он добрался до вечных снегов, то остановился в изумлении.

На остром выступе скалы он увидел серебристого хищного луня, который ворочал желтыми глазами и тупо созерцал окрестность. Над головой Курюко пролетел огромный орел, шумно взмахнув крыльями. Молодой нарт никогда не видел таких птиц, и ему подумалось: уж не дошел ли он до жилья Тга и не эти ли странные существа именно те бараны, о которых он так давно мечтал, и похитить которых он так смело собрался. Но орел пролетел, и серебристый лунь скрылся с его глаз.

Тогда он вспомнил о том, что старые люди рассказывали ему, когда он был еще мальчиком, в его родном пещерном ауле. Они говорили, что кроме них, обыкновенных людей-нартов, Великий Тга ранее создал необыкновенных одноглазых великанов и поселил их между

собою и людьми. Тга, очевидно, по ошибке создал их слишком сильными и слегка побаивался их. Но когда создал, то было уже поздно, и он поспешил отдать в их пользование несколько животных из своих многочисленных стад. Чтобы поправить ошибку, он сотворил обыкновенных нартов и в отместку за свою оплошность, а также из жадности, лишил их всего и предоставил судьбе, требуя от них однако же непосильных жертв.

В скалах, между снегами и дном долины, приютилось несколько аулов одноглазых нартов. Сакли их, с плоскими крышами, покрытыми землею и камнями, прилепились к самым скалам. Курюко с удивлением оглядывал местность. Он не подозревал, что, кроме нижних нартов, на свете существуют еще нарты верхние, которые ближе к Тга, чем сородичи Курюко. У порога одной сакли он увидел одноглазого нарта. Растянувшегося на земле и крепко спавшего, так как его единственный глаз был закрыт. Нарт грузным, огромным телом загородил ему дорогу, и Курюко должен был перепрыгнуть через него, чтобы получить возможность идти дальше. Нарт приоткрыл глаз и взглянул на него. Было уже темно, но луна показалась на темном своде неба и освещала местность бледным светом.

– Кто ты? – спросил юношу одноглазый нарт.

– Я нарт из долины, – смело ответил Курюко.

– Что ты пришел здесь делать?

– Я иду к Великому Тга.

– Зачем?

– Это уж мое дело.

– А твое, так ступай и не мешай мне спать! Я сегодня охотился за ланью и устал.

«У вас есть за кем охотиться, – подумал Курюко с завистью, – а у нас, кроме травы и корней, ничего нет». Но громко он не сказал этого, а только спросил:

– А где живет Тга? Укажи мне дорогу.

– Не мешай мне спать! – проревел великан. – Иди все прямо. Вон там, впереди, белеет ледяное поле... Там живут семь сыновей Великого Нарта, семь юношей. Они укажут тебе дорогу... А если ты сейчас же не уйдешь, я тебя сброшу вниз, туда, откуда ты явился!

Курюко поспешил удалиться.

***

Действительно, вскоре он достиг царства семи сыновей Тга. Темно и холодно было в этом царстве. Бесконечные поля, покрытые пеленою белого снега, раскинулись далеко вокруг. Серые туманы, где сплошь, где обрывками, заволакивали небосклон. Стонали ветры, бураны и метели, и вихри неслись по безлюдным полям: визг и вой их леденили душу отважного нарта. Печаль царила в этих суровых полях.

Курюко все шел вперед, не замечая того, как ноги его леденели от холода, не чувствуя ни усталости, ни желания отдыха и покоя. Он был полон одной мечтой: добраться о цели предпринятого им путешествия. Жажда мести не только не утихала в нем, а разгоралась все больше и больше. И чем дальше он уходил от родных мест, тем больше росло в нем чувство жалости к тем своим обездоленным сородичам, которые ради алчности и злобы Великого Тга обречены были на вечный голод.

Но что это?.. Перед ним одна за одной на снежных полях выросли семь огромных теней, которые закрыли собою полнеба. Они взялись за руки и загородили путь Курюко.

– Кто вы? – в страхе спросил он.

И вдруг поднялся сильный ветер, засвистел ураган, вздымая с полей белоснежную пыль и засыпая ею глаза Курюко. Это тени-великаны смеялись, и смех их производил снежную метель.

– Он спрашивает, кто мы?! – услышал юноша их голоса, показавшиеся ему ревом бури. – Ты кто? Скажи нам, кто ты?

– Я нарт... нижний нарт... Курюко! – силится он перекричать свист и вой бури. Он вдруг пришел в ярость и крикнул, что было сил, теньям: – Если вы хотите слышать, кто я, не делайте такого проклятого ветра! Пусть говорит кто-нибудь из вас!

Тени расслышали наконец его голос и замолчали. Буря разом стихла. Один из них, сделав другим знак молчать, заговорил с Курюко. Тогда он почувствовал, как холодный, но не очень сильный ветер стал обдувать его.

– Ты нарт из долины? – говорил голос. – Как же ты попал в наше снежное царство?

– Так вот, пришел...

– Сюда не забирался еще ни один нарт! – говорил голос.

– А я вот забрался.

– Зачем же ты пришел к нам?

– Я не к вам вовсе пришел. Я не знаю, кто вы...

– Мы сыновья Великого Тга.

– Вот к нему-то я и пробираюсь. Укажите мне дорогу. Где он живет?

И вдруг опять полнялся великий снежный вихрь. Все семеро принялись хохотать.

– Указать тебе дорогу? – проговорил, нахохотавшись, тот же великан, который говорил с ним раньше. – Хитрую вещь задумал ты, бедный нарт! Ты хочешь знать, где живет Великий Тга?

– Ну да!

– Над этими полями, выше высоких утесов и гор, выше ходячих туманов царит старый дух – Могущественный Тга. Его страшным именем названы и горы, и долины по всей окрестной местности. Лица его никто никогда не видел. Но вид его страшен и мрачен, как говорит наша мать Химихнинен, царица здешних мест и мать здешних выюг.

– Значит, вы мне поможете похитить тростник и баранов?

Семеро сыновей Тга стали советоваться между собою, и Курюко слышал легкое дуновение ветерка.

Потом все тот же великан обратился к нему:

– Хорошо, – сказал он с обычным своим легкомыслием, – мы согласны. Только что дашь ты нам за это?

Курюко долго думал, но ничего придумать не смог.

– Что у вас есь на земле?

– Есть трава, корни низкорослых деревьев и камни.

– Нам ничего этого не нужно.

– Есть у нас скалы и река.

– И это нам не подходит.

– Есть еще огонь.

– Это наш природный враг. От него мы растаем и погибнем.

– Есть болезни и смерть.

– Болезни и смерть? – повторил великан. – Это что же такое?

И когда Курюко объяснил ему, он сказал:

– Ну, это еще хуже огня! От смерти ведь тоже погибают, как и от огня! Нет, это нам не подходит.

– Больше у нас ничего нет.

– Ну, так и мы не можем доставить тебе баранов и тростник

.Курюко задумался.

– Стойте! – крикнул он что было у него сил. – Есть еще!

– Что же? Такое же все негодное, как то, что ты назвал? Коренья да камни?

– Не знаю. У нас есть молодые девушки-нартки.

– А! – радостно воскликнул великан. – Это такие люди без усов и бород? Я видел одну такую, когда спускался однажды до границы нашего царства. Она мне очень понравилась.

– Ты, верно, видел одноглазых девушек... У нас они лучше. У них по два глаза.

– И ты подаришь нам по тако девушке?

– Да.

Великаны опять пошептались между собой.

– Ну, – сказал опять тот, который все время говорил с Курюко, – мы согласны! Идем же, пока старик спит. Ступай за нами.

Они пошли вперед, взметая тучи снежной пыли. Курюко последовал за ними. Снег слепил ему глаза, забирался в рукава, леденил его. Зубы его стучали друг о дружку, и холод захватывал его дыхание. Но он все шел, еле поспевая за легкомысленными братьями.

Шли они долго, так долго, что Курюко не мог уже сообразить времени. И вот наконец ледяные поля кончились.

Взору Курюко открылась дивная картина. На самой верхушке, обнаженной от льда и снега, стоял трон, окутанный облаками. Сверху, с голубого неба, сияло горячее солнце, очевидно, никогда не заходившее, а по глубоким полям неба гуляли стада белых и серых барашков, и их было так много, что у Курюко не хватило бы ума сосчитать их и закружилась голова от того, что он все время держал ее поднятой кверху. Вокруг трона росли целые леса великолепного тростника, а неподалеку от трона виднелась тростниковая хижина, из отверстия плоской крыши которой взвивался к небу синий дымок и пахло так вкусно жареным мясом, что Курюко почувствовал страшный голод.

Семь великанов остановились. Они сделались теперь меньше и шатались от слабости, как настоящие тени.

– Смотри, – прошептал один из них, и Курюко еле расслышал его голос, – вот он сидит, Тга, закрытый туманами и закутанный белым саваном. Он тихо дремлет, тоскуя в одиночестве. А там, в хижине, ему готовится пища.

– А как же достать барашков? – спросил нетерпеливо Курюко. – А как же вырвать тростник?

– Тростник около тебя, если у тебя хватит сил, вырви его. Мы не сможем этого сделать: мы очень слабы. Солнце – наш люгый враг. Если мы еще долго пробудем здесь, то вовсе растаем. Спеши, чтобы нам можно было уйти!

Курюко торопливо вырвал с корнем тростник, раскачал его над головой и бросил вниз на землю. В это время барашки низко спустились с неба и бежали по самой верхушке горы. Два барашка точно играли друг с другом, перегоняя один другого.

– Лови! – слабеющим голосом сказал один из семерых сыновей Тга.

Курюко расставил руки и поймал обоих барашков. Сначала они казались ему легкими и мягкими, как облачко, но потом он ощутил под из завитой, блестящей и шелковистой шерстью мясо и кости. Да, да, это были настоящие, живые барашки! Он взял по одному в каждую руку, сильно раскачал их над головой и бросил вниз, в родной аул.

– Они убьются! – с горестью сказал он, а сыновья Тга стали из всей мочи дуть, чтобы поддержать барашков и не дать им разбиться о землю. Но дыхание ослабевало все больше и больше у семи молодцов. Тем не менее, барашки закружились в воздухе и плавно стали опускаться на землю.

Но тут произошло нечто ужасное. Старый Тга проснулся. Облака вокруг трона рассеялись, и Великий Нарт выглянул из них. Лицо его было так страшно, что Курюко упал ниц и перестал дышать. Ему показалось, что он умер. И вдруг поднялся страшный ураган; небо сразу потемнело, солнце померкло, его заволокли густые тучи; целые груды обломков камней и скал стали срываться с окрестных вершин. В сознании Курюко промелькнула мысль, что теперь засыпаны каменными завалами пути и селения на его родине. Гора дрожала так, что

Курюко качало из стороны в сторону. Тга нагнулся над выступом скалы, тучи и туманы рассеялись, и он увидел внизу, на земле, ствол тростника, воткнутый в землю, и двух барашков, пасущихся на поляне. Тогда гневу его, казалось, не было предела.

– Обокрали! – закричал он, и все вокруг задрожало от ужаса. – Теперь будет расти тростник на земле и не будут мне больше приносить умиловительных жертв, они забудут меня! Страшная кара, неслыханная кара ждет дерзких похитителей! Слушайте суд Великого Тга.

Он еще долго кричал, и семь сыновей его становились все слабее, слабее и меньше, а Курюко все еще бросало из стороны в сторону, и он еще не мог отделаться от дрожи.

Наконец Тга крикнул:

– Приди сюда, Химихнинен, коварная жена моя, родившая мне семь изменников-сыновей!

И тотчас же после этих слов что-то пронеслось по воздуху, и вьюга сделалась такою, что Курюко показалось, будто наступает конец мира.

– Слушай суд Великого Тга! – повторил громовым голосом Великий Нарт и смирил вьюгу.

Мать вьюг трепетно склонилась перед страшным властителем горы.

– Отныне дерзкий нарт, осмелившийся похитить у меня барашков и тростник, будет прикован в царстве одноглазых великанов в пещере. Он будет до тех пор прикован к скале, пока у людей не переведутся барашки и не иссохнет весь тростник. И никогда у людей не переведутся барашки и не иссохнет весь тростник. И всегда, на веки веков дерзкий нарт будет томиться в пещере. Горный орел будет ежедневно прилетать к нему и терзать клювом своим его сердце.

А ты, мать вьюг, царица Химихнинен, будешь сторожить его. У тебя будет гореть на снегу неугасимый огонь. Будет у тебя и неистощимый хлеб, и неистощимая нога барашка. И после каждой твоей трапезы хлеб и барашек окажутся на том же месте. Ты начертишь вокруг пещеры волшебный круг, которого нельзя будет перешагнуть ни одному смертному. Каждый смельчак, который покусится на это, будет сброшен твоим дуновением в пропасть, и ты его завалишь ледяным обвалом, мать вьюг! Вот тебе наказание за то, что родила мне семь легкомысленных изменников. Так говорит и судит Великий Тга.⁷

Мать вьюг вздохнула, и Курюко был унесен вихрем в пещеру. Тогда Тга вещал сыновьям:

– Вас, легкомысленные сыновья, я буду судить строгим судом. Дерзкий нарт, похитивший мое добро, думал о земном и хотел осчастливить родичей. За это он будет прикован к земле, к твердой скале, на вечные времена. Небо, в котором вы рождены, наскучило вам, я прикую вас к небу на веки веков. Вы будете украшать собою темное небо, все семь неразлучно, чтобы вам не было скучно... Вы будете блистать звездами и с недостижимых высот смотреть на эту жалкую землю!.. И назовут вас люди Дердза-Куангидж (Вьюгины Сыновья)...⁸

И, сказав это, он повелел Богине Вьюг, старухе Химехнинен, вызвать великую бурю. Все семь сыновей ее были подняты на воздух, и по мере того, как они удалялись от земли, они становились все меньше и меньше и казались уже светлыми звездочками. Буря давно уже стихла, и все пришло в обычный порядок на вершине Бешлам-Корта.

***

Многое множество веков прошло после того, как нарт Курюко похитил у Великого Тга тростник и барашков и был за это прикован к острой скале. Многое множество раз сменялись зима летом и осень весной. Много на земле развелось барашков и тростника. И люди стали жить в полном довольствии, сытости и приволье. И все с глубокой благодарностью вспоминают до сих пор отважного нарта и из поколения в поколение передают повесть об его подвиге и гибели.

И только Курюко и до сих пор еще прикован к угрюмой скале Бешлам-Корта, и до сих пор ежедневно прилетает к нему горный орел и терзает его великодушное, храброе сердце. И до сих пор

пор сторожит его старуха Химихнинен и ест перед его утомленными глазами неистошимый хлеб и неистошимую баранью ногу. А ему, похитившему баранов, так и не удалось попробовать этой вкусной пищи. Старуха, озлобленная на него за наказание, которое ей приходится нести из-за него, и за потерю своих сыновей, кормит его сухими кореньями и поит снежной водой.

По ночам Мать вьюг глядит на далекое небо, с него светят ей семь звезд, которые были когда-то ее сыновьями, и горько плачет она об их неволе. Иногда она выходит из себя, неистовствует, бранится и бьет беспомощного нарта. И тогда сыплются на людей завалы, грозно воеет в долине буря, огромными густыми хлопьями падает снег. Но все это очень редко приносит людям несчастье. Они греются в такие дни в своих тростниковых домиках у огня очага и едят вкусных барашков. Разве путник какой не успеет вовремя укрыться от непогоды и делается жертвой злой старухи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.